Г.И. Дмитриев

Погашенная луна

повесть

Одесса – 2012

Предисловие

31 октября 1925 года, в полнолуние, после неудачной операции скончался выдающийся полководец гражданской войны, народный комиссар по военным и морским делам, Михаил Васильевич Фрунзе. Современная молодежь вряд ли помнит эту фамилию, но представители нашего поколения, которые ещё не успели забыть историю, убеждены, что к смерти великого полководца причастен Иосиф Виссарионович Сталин. Именно по его настоянию Фрунзе сделали операцию, в которой не было необходимости. Но почти никто из них не знает источников происхождения этого мифа, прочно укоренившегося в сознании поколений. А история мифа такова, в 1926 году, в журнале «Новый мир» была опубликована повесть известного в то время, и почти забытого сегодня писателя, Бориса Пильняка, «Повесть непогашенной луны». И хотя автор в предисловии просит не отождествлять главного героя с Фрунзе, каждый, прочитавший историю смерти командарма Гаврилова, убеждён, что речь идёт именно о Михаиле Васильевиче. Естественно, ни на какие документы автор не ссылается, произведение художественное, и не требует доказательств, но с той поры и другие писатели, «борцы за свободу и демократию» в бывшем СССР, без зазрения совести повторяли в своих романах эпизоды «Повести непогашенной луны», но уже напрямую связывая эту историю с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Историки уже давно опровергли этот миф, но либо наша интеллигенция не читает исторические работы, либо всем им нравится представлять человека, который, по словам заядлого врага СССР, Черчилля, «…принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», как злобного тирана, действия которого не поддаются никакой логике. Но если описание исторического события не подчиняется жесткой логике своего времени – то описание это ложно. А логика событий того времени такова, что Сталин никак не мог быть заинтересован в смерти народного комиссара по военным и морским делам, М. В. Фрунзе, им же на этот пост и назначенного. Убийство Котовского и смерть Фрунзе открыли дорогу в высший эшелон военной власти Тухачевскому, человеку Троцкого.

Сегодня историки рассматривают три версии событий:

- преднамеренные действия врачей, приведшие к гибели пациента;
- ошибка врачей, стоившая пациенту жизни;

- роковое стечение обстоятельств, обусловленное состоянием здоровья оперируемого и уровнем анестезиологии того времени.

Состояние здоровья Фрунзе вызывало опасения не только у него, но и у высшего партийного руководства. В мае 1922 года ему было предложено лечение за границей, от которого он отказался, продолжая работать. Он лечился в Боржоми, в Крыму, и лишь когда стало ясно, что оперативного вмешательства не избежать, согласился на операцию. Никакого «давления» на него со стороны Сталина оказано не было, но забота о состоянии здоровья была. Существует письмо Михаила Васильевича своей жене, в котором нет и тени намёка на бессмысленность хирургического вмешательства, Фрунзе уверяет супругу, что операция поможет ему избавиться от кровотечений, участившихся последнее время. Исследователи сходятся во мнении, что произошло именно роковое стечение обстоятельств. Квалификация и честность хирурга Розанова, оперировавшего и Ленина, и Сталина, не вызывает сомнений, но уровень анестезиологии того времени и состояние здоровья пациента привели к трагическому исходу.

А если всё-таки злой умысел был? Ведь осуществить его мог не только хирург, делавший операцию, но и врач, игравший второстепенную роль. Если так, то возникает естественный и первый в любом следствие вопрос: «Кому это было выгодно?». Чтобы ответить на этот вопрос, нужно видеть, как внутренняя политика руководства СССР того времени соотносится с внешней и глобальной политикой.

В то непростое время в высшем эшелоне власти было противостояние двух направлений: сохранения России, как великой державы в условиях мирного сосуществования с капитализмом, за которое боролся Иосиф Виссарионович Сталин и его соратники; и дальнейшая эскалация революции в мировом масштабе, за которую ратовал «бес мировой революции», Лев Давидович Троцкий.

После окончания гражданской войны была создана комиссия, которая исследовав состояние дел в Красной армии, пришла к выводу, что армия полностью не боеспособна. К такому же выводу пришла и германская разведка. Троцкий был смещён с должности наркома по военным и морским делам, и на эту должность назначен Михаил Васильевич Фрунзе, его заместителями стали: Григорий Иванович Котовский и Клим Ефремович Ворошилов. Все трое были «державниками», сторонниками первого направления, сохранения России как великой державы. Все трое имели опыт

гражданской войны и немалые военные заслуги. Все показали себя грамотными, талантливыми военачальниками, наиболее выдающимся из них был Фрунзе. Такая расстановка кадров в руководстве Красной армии как нельзя лучше соответствовала намерениям Сталина. И вот Котовского убивают в Одессе, Фрунзе, уцелевший после трех дорожно-транспортных происшествий, умирает при операции, наркомом по военным и морским делам становится Ворошилов, а начальником Штаба РККА… Тухачевский, будто чья-то рука намеренно расчищает ему дорогу, не считаясь ни с чем.

Был ли Троцкий самостоятельным политиком и что связывает его с Тухачевским? Ведь именно он отстранил Тухачевского от должности командующего фронтом, назначив его исполняющим обязанности начальника штаба. Оба были полны непомерных амбиций, оба претендовали на высший пост в руководстве Красной армии. Были ли они непримиримыми соперниками или оба находились под властью некого глобального управления? В то время еще не существовало понятий: «Глобальный предиктор», «Концептуальная власть», Понятий-то не было, но и концептуальная власть и Глобальный предиктор существовали со времен древнего Египта. Из материалов допросов знаменитого троцкиста Христиана Раковского следует, что о глобальном управлении революционными процессами в России было известно троцкистам, Христиан Раковский называет термином «они», некую внешнюю силу, вразрез намерениям которой пошел Ленин, а Сталин начал реализовывать политику, альтернативную политике Глобального предиктора. Ленин, по словам Христиана Раковского, подчинил революцию государству, а должен был государство подчинить революции. Именно это стало, по его словам, причиной покушения на Ленина, организованного Троцким, а после и его отравления, организованного «ими». Место Ленина должен был занять Троцкий, но дело вмешался промысел Божий, Троцкий неожиданно заболел, и место Ленина занял Сталин.

Фигура Тухачевского очень непроста. Весьма поражает его стремительная карьера от подпоручика до маршала, от заместителя командира роты до командующего армией без промежуточных должностей, после – командующего фронтом, начальника Штаба Красной армии. В начале первой мировой войны подпоручик Тухачевский попадает в немецкий плен. Он содержался в лагере Ингольштадта, где, видимо, и был приобщён к тайному немецкому обществу Туле, названному по имени мифического

острова, на котором якобы находилась столица древних ариев. В обществе состоял Карл Хаусхофер, известный как разведчик и геополитик. Позднее на основе общества Туле было создано тайное общество Аненербе (наследие предков), под патронатом Гиммлера. Карл Хаусхофер видел будущее Германии в союзе с Россией и Японией. Однако подобный союз не устраивал Европу, в первую очередь Британию, находящуюся под покровительством Глобального предиктора, и гипотетическая ось «Берлин-Москва-Токио» превратилась в реальную – «Берлин-Рим-Токио». Вдохновлённый идеями Хаусхофера, Тухачевский, по всей вероятности, не без помощи германской разведки, «бежал» из плена, и очень быстро был введён в состав высшего военного руководства победившей революции.

В продвижении Тухачевского не меньше Троцкого была заинтересована германская разведка, ставшая инструментом глобальной политики, именно через нее получали финансовую поддержку революционеры России. Без помощи германской разведки фантастическая карьера узника крепости Ингольштадта была бы немыслима. Ведь если бы в 1941 году во главе военного ведомства стоял Фрунзе, развитие событий начала войны было бы совершенно иным. Несмотря на то, что заговор маршалов был ликвидирован, до сих пор нет объяснения тому, каким образом оборона была построена согласно плана Тухачевского, названного «планом поражения», хотя официально утвержденный план обороны Шапошникова никто не отменял.

Не менее загадочно и убийство Котовского, Мейер Зайдер, в первые минуты признавшийся в убийстве командира, а впоследствии отрицавший свою вину, никак не подходит на роль наемного убийцы. Благодаря Котовскому он получил хорошую должность начальника охраны сахарного завода, и кроме того имел свое дело – участвовал в снабжении корпуса Котовского. Некоторые исследователи предполагают, что Котовский обвинил Зайдера в махинациях, и между ними возникла ссора. В пользу этой версии говорит и то, что в тот роковой вечер у Котовского состоялся разговор с бухгалтером. Но даже уличенный в воровстве Зайдер не мог не понимать, как много он теряет со смертью командира. Что произошло в ту ночь, почему Зайдер сперва сознался в убийстве, а после все отрицал, постоянно меняя свои показания, мы, видимо, уже никогда не узнаем.

В своей повести я не рассматриваю подробности операции, которые детально изложены у Пильняка, я вообще не говорю о том, что явилось

причиной смерти Фрунзе. Я лишь описываю попытки противников Сталина отыскать способы влияния на ход операции, что вполне могло иметь место, даже в том случае, если смерть Фрунзе произошла по причине рокового стечения обстоятельств. Ведь произошли же три автомобильные аварии с Фрунзе в Москве, где в те времена интенсивность автомобильного движения была не сравнима с нынешней.

В повести использованы материалы исследований А.Б. Мартиросяна, Е.А. Прудниковой, Н. Добрюхи, мемуары белогвардейских генералов Е.И. Достовалова и Я.А. Слащова, материалы допроса Христиана Раковского.

Глава 1.

Штабс-капитан Краснов, Андрей Николаевич, был профессиональным разведчиком. В годы первой мировой войны он служил в войсках Австро-Венгрии, в разведывательном отделении штаба 4-й армии, затем, при обстоятельствах, выглядевших, как проявление случайности, был переведён в союзную Австро-Венгрии Германию, в город Ингольштадт. После того, как в России в феврале пала монархия, а в октябре и Временное правительство исчерпало отпущенное ему историей время, царская армия рассыпалась как песок, лишенный цемента, и новая власть заключила Брестский мир, Андрей Николаевич понял, что судьба разведчиков, выполнявших свой долг перед Родиной на территории противника, никого более не интересует. Разведывательного отделения штаба Верховного главнокомандующего уже не существовало, а новая власть создавала свои органы разведки. Можно было, как граф Игнатьев, пойти на сотрудничество с новой властью, а можно было предложить свои услуги немецкой разведке, или навсегда затеряться в Европе, начав новую жизнь. Офицеры царской армии, считавшие своим долгом служение не конкретной власти, а России, выбирали первый путь. Те, у кого ненависть к большевикам была сильнее, чем любовь к Родине, шли по второму пути. Те, кто желал начать новую жизнь под новым именем, прекрасно понимали, что разведчики бесследно не теряются. Рано или поздно их отыщут, либо для того чтобы заставить работать, либо для того, чтобы заставить замолчать навсегда.

Сотрудничать с советской властью Андрей Николаевич не хотел, так как люто ненавидел большевиков. Идти против России не мог, поскольку был русским дворянином, и не допускал даже мысли о предательстве Родины. Нереальность тихо, незаметно выйти из игры он понимал, наверное, лучше других. Потому и решил вернуться в Россию, и включиться в борьбу против советской власти. Но для этого должен был незаметно исчезнуть Генрих Зольднер в Германии и появиться в России Андрей Краснов, что для оставшегося без связи и прикрытия разведчика было чрезвычайно сложно. Свои намерения он смог осуществить только в 1920 году, проделав сложный путь, и оказавшись в Константинополе, где и встретился с бароном Врангелем, которого знал лично ещё до первой мировой.

Серым мартовским утром тысяча девятьсот двадцатого года французский пароход подошёл к причалу Константинополя, чтобы взять

груз, и отправиться дальше, в Севастополь, с продовольствием для французской армии. Андрей Николаевич не собирался покидать борт парохода в Константинополе, но от французского офицера, следовавшего этим пароходом из Константинополя в Севастополь, он узнал, что здесь находится генерал Врангель. С бароном Андрей Николаевич был знаком ещё с Дальнего востока, где им довелось служить вместе в армейской разведке, потому встреча с ним могла помочь штабс-капитану Краснову найти своё место в рядах Белого движения. Тогда он ещё не знал, что генерал Врангель отстранён Деникиным от командования, и в данный момент, повлиять на судьбу бывшего сослуживца не может, но если бы и знал, то всё равно посчитал бы своим долгом встретиться с бароном.

Андрей Николаевич сошёл на причал, и окунулся в многоголосый, многоязычный гул порта, крики чаек и пароходный сирен, порывы плотного, сырого, холодного ветра, развевающего разноцветные флаги на судах, да грохот и скрежет портовых механизмов. Бесконечно двигались какие-то люди в турецких фесках, в матросских одеждах, в английских, французских и русских военных мундирах. Узнать местонахождение генерала Врангеля было не сложно, подпоручик, встретившийся ему в порту не только указал, где располагается нынче Врангель, но и лично вызвался его проводить. У входа в здание, где пребывал опальный барон, стоял часовой. Андрей Николаевич попросил передать барону, что его хочет видеть штабс-капитан Краснов. Когда адъютант доложил о нём генералу, барон не сразу вспомнил старого сослуживца.

- Краснов? Какой Краснов? Не родственник ли генерала Краснова?

- Никак нет, ваше превосходительство. Он утверждает, что служил в Забайкалье в разведывательном дивизионе.

- Ах! Да! Помню! Кажется, он тогда был в звании подхорунжего. А после японской войны его перевели из казачьих войск в разведывательное отделение при генеральном штабе. Проси! Пусть войдет!

Штабс-капитан Краснов вошел, представившись генералу по всей форме.

- Ну, здравствуйте, Андрей Николаевич! – воскликнул барон, протягивая ему руку. – Не думал, что придется встретиться здесь, в Константинополе! Рад видеть Вас, искренне рад. Какими судьбами?

- Здравия желаю, Петр Николаевич! – ответил Краснов. – События семнадцатого года застали меня далеко от России, перед началом войны был

внедрен в штаб 4-й армии генерала Ауффенберга, работал успешно, ну а после всего, что случилось с Россией, мы, профессиональные разведчики, были брошены на произвол судьбы. Вот, всеми правдами и неправдами добрался сюда, позвольте мне под Вашим командованием бороться с большевиками.

Барон тяжело вздохнул, нахмурив брови.

- Видите ли, Андрей Николаевич, состоялся у меня вчера неприятный разговор. Пригласили на встречу с командованием Британских сил в Турции, предложили вернуться, и возглавить Вооруженные силы Юга России, обещали поддержку. Но при одном условии. Я должен прекратить борьбу с большевиками, и заключить с ними мир. В феврале Деникин отстранил меня от командования, но видимо, что-то там изменилось.

- Как? Прекратить борьбу? Оставить Россию большевикам?

- Это требование Британии, они не верят в победу белого движения. Они требуют заключить с большевиками мир, оставить им Россию, и сохранить Крым. Наш долг, долг офицера и дворянина – продолжать борьбу до конца. Но тогда мы лишимся английской помощи. Более того, наши соотечественники, успевшие вывезти свои капиталы на Запад, отказывают нам в поддержке.

- Так, что же делать? Неужели борьба бесполезна?

- Вот, что я думаю, Андрей Николаевич. Я согласился с Британским командованием. Нужно вернуться в Крым. Будем рассчитывать на поддержку внутри страны. Необходимо дать землю крестьянам, улучшить условия труда рабочих. Нужно опереться на народ, он поддержит нас. Борьба за Россию – это борьба не за территорию – это борьба за сердца и умы людей.

На следующий день британский эсминец «Император Индии» увозил барона Врангеля и штабс-капитана Краснова на Белый остров Крым, о который яростно бились волны Красного моря. Когда очертания знакомых берегов показались на горизонте и синеватый абрис Чатырдага возник на фоне неба, Андрей Николаевич с замиранием сердца вглядывался вдаль. Он возвращался в Россию, в Севастополь, где последние годы проживала его семья.

Корабль пришвартовался у Графской пристани, и сойдя на берег, Андрей Николаевич ощутил давно забытое, утраченное за долгие годы скитаний на чужбине состояние единения с Родиной. Душа наполнялась трепетом и печалью. Голос барона вернул его к реальности:

- Андрей Николаевич, я сейчас в штаб армии, Вы со мной?

- Хотел бы, с Вашего позволения, навестить семью, жену и сына, они должны быть здесь, в Севастополе.

- Конечно, Андрей Николаевич, отправляйтесь к семье, завтра в восемь я жду вас в штабе.

Штабс-капитан Краснов шел по знакомым, почти забытым улицам, сквозь холодный, сырой ветер запоздалой весны. Вот и знакомая калитка маленького домика, все так же, как и много лет назад. Дрогнуло сердце, то ли от ветра, то ли от нахлынувших воспоминаний заслезились глаза, калитка скрипнула, пропуская его во двор, он прошел по аллее, подошел к двери, постучал. Дверь открыла женщина и, увидев его, остолбенела. Несколько долгих секунд смотрела она на Андрея Николаевича удивленным, полным боли и нежности взглядом, и наконец, тихо произнесла:

- Андрей, ты?

- Я, Наташа, я, – также тихо произнес он.

- Боже мой! – вскрикнула она, и со слезами на глазах бросилась ему на грудь.

Она рыдала, прижимаясь к нему, а он, не находя слов, гладил её по волосам, поседевшим от бед и невзгод. Когда она немного успокоилась и вновь смогла говорить, посмотрела в его глаза, и тихо сказала:

- Ну, что же мы стоим на пороге? Идём в дом.

Они вошли. Домашней теплотой и уютом повеяло на Андрея Николаевича. Тихо потрескивали дрова в печи, пахло теплым хлебом. От всего этого у него закружилась голова, и он опустился на стул. Восьмилетний мальчик, его сын, спрятавшись за мамину спину, с опаской поглядывал на незнакомого мужчину.

- Да, это же папа твой, Коленька, что же ты прячешься, иди к нему, – сказала сыну Наталья Алексеевна, но тот ещё сильнее вцепился в руку матери. – Он ведь тебя совсем не помнит, ему годик был, когда ты уехал. Потом война, голод, эта ужасная революция, опять война. И от тебя никаких известий. Жив ли? Что я только ни передумала! Главное, чтобы жив был. Да, что же я? Ты ведь голоден, наверное! Я сейчас, быстро на стол соберу. Мы тут с Коленькой сами хлеб печем, я немного муки достала.

Она угощала мужа, рассказывая о том, что пришлось пережить ей с маленьким сыном за все эти долгие, полные тревог и опасностей семь лет.

Она говорила и говорила, не в силах задать ему тот, самый главный вопрос. Не смела, не могла, не знала как. Он сам на него ответил:

- Я к вам только на одну ночь, завтра утром должен быть в штабе армии. Куда потом – ещё не знаю. Идет война, я офицер, дворянин, и не могу оставаться в стороне, когда решается судьба России.

Наталья Алексеевна закрыла лицо руками, покачивая головой, потом протянула руки к нему, восклицая:

- Боже мой! Боже мой! Проклятая война, проклятая революция! Да, будь оно всё неладно! Давай уедем отсюда, в Париж, в Вену, куда угодно, только подальше от войны!

- Я был там, за границей. Ничего хорошего нет, ни в Вене, ни в Париже. Можно сбежать от войны, но не сбежишь от себя, от долга перед Родиной. Я приехал, чтобы сражаться с большевиками.

- Я думала, ты приехал к нам! Сколько можно воевать?! Кому нужна эта бессмысленная война?!

- Я буду воевать с большевиками для того, чтобы мы с тобой могли жить, как прежде.

- Как прежде?! Да ничего уже не будет, как прежде! Ты посмотри, что делается вокруг!

- Все зависит от нас, от Русской армии, одолеем большевиков и будем жить, как прежде.

Сегодня всё было, как прежде: и теплая постель, и жена, и сын, и дыхание, и голос, от которого он отвык за годы войны и скитаний, – но продолжалось это только до утра. А утром снова была война. Он ушёл, и ни он, ни Наталья Алексеевна не знали, придётся ли им свидеться ещё в этой жизни.

Встретив штабс-капитана Краснова в штабе армии, генерал Врангель сказал ему:

- Деникин подал в отставку, я назначен главнокомандующим Русской армии. Как семья?

- По нынешним временам, можно сказать, неплохо. Живут не хуже других. Главное – живы.

- Семье поможем. А вот Вам нескоро придется их снова увидеть. Вы ведь разведчик, Вы не нужны мне на передовой, Вы нужны там, за линией фронта.

- Я готов ко всему, Петр Николаевич. Но внедрение разведчика – непростой процесс. У Вас есть для меня легенда?

- Легенда есть. Год назад, при попытке перейти линию фронта задержан поручик Макаров. Бежал из немецкого плена. Содержался в лагере Ингольштадта, где находился и подпоручик Тухачевский. Сейчас этот подпоручик командует армией. Его имя может помочь обрести доверие.

- Ингольштадт, – задумчиво произнёс Андрей Николаевич, – помню этот город на берегу Дуная.

- Приходилось там бывать?

Глава 2.

Андрей Николаевич вспомнил, как из Австрии, где дислоцировалась четвёртая армия, его направили в Ингольдштадт, сопровождать группу русских военнопленных. Служил он тогда в штабе генерала Ауффенберга, под именем оберлейтенанта Генриха Зольднера. Не рассчитывал оберлейтенант Зольднер надолго задерживаться в этом городе. Доставив в крепость пленных, он уже собирался в обратный путь, но офицер, принявший русских, сказал, что с Зольднером хочет побеседовать Карл Хаусдорф[1]. Это имя ничего Генриху не говорило. Под штатским костюмом высокого стройного незнакомца с орлиным носом и жёсткими усами угадывалась фигура военного: выправка, походка, жесты – всё говорило о том, что преподаватель университета, каковым представился он Зольднеру, или в недавнем прошлом или в настоящем кадровый офицер. Принял он Генриха не в кабинете, а встретил в парке крепости, и предложив прогуляться по усыпанным увядающей желтой листвой аллеям, спросил:

- Вы торопитесь в Австрию, господин оберлейтенант?

- У меня приказ: доставить русских военнопленных в крепость, и возвращаться в штаб армии, идет война.

- Рано или поздно войны кончаются миром, и те, кто сегодня являются врагами, завтра могут стать союзниками. Не хотите ли поработать с русскими военнопленными? Говорят, Вы неплохо знаете русских?

- Я служу в армейской разведке, знать противника – моя обязанность.

---

1 Реальное лицо – Карл Хаусхофер, выдающийся геополитик, разведчик, генерал, преподаватель Мюнхенского университета.

- Я в курсе, потому и обращаюсь к Вам. Мне нужны из числа русских офицеров несколько надёжных человек, способных выполнить определённую миссию у себя на родине.

- Хотите, чтобы я отобрал кандидатов для вербовки?

- Нет, нет, это не совсем то. Мне нужны не агенты, а союзники, единомышленники. Нам видится будущее Германии в союзе с Россией и Японией. Здесь, в Ингольдштадте, находится филиал «Германенордена», слышали о таком?

- Не приходилось.

- Вы будете посвящены в этот орден. Нужно, чтобы идеи «Германенордена» были восприняты русскими офицерами. Мир стоит на грани больших перемен, в России нам нужны не агенты, а люди, которые станут проводниками наших идей. Это должны быть перспективные офицеры, которые в самом ближайшем будущем займут места в высшем эшелоне русской военной власти.

- Это требует серьёзной работы.

- Естественно. Поэтому я и обратился к Вам. Мне рекомендовали Вас как серьёзного, грамотного разведчика.

- Но я служу в армейской разведке, мы решаем лишь оперативные задачи, а работа, которую Вы мне предлагаете, требует политического мышления.

- Я бы сказал, геополитического. Геополитика – вот какого масштаба работу я предлагаю Вам. Здесь, сейчас закладываются основы будущего устройства мира. От нас с Вами многое зависит.

То, что предлагал ему Хаусдорф, было бы несомненной удачей, нет, не для Генриха Зольднера, а для офицера русской разведки, Андрея Николаевича Краснова. Тогда он ещё не знал, что всего через пару месяцев, в феврале 1917 года, на смену монархии придёт разгул демократии. Бешеным вихрем пронесётся он по улицам городов и ворвётся в казармы и окопы, и то, что ещё недавно называлось русской армией, превратится во что-то непонятное, неуправляемое, не желающее подчиняться, где назначение командиров и планы сражений будут обсуждаться на общих собраниях рот, батальонов, полков. Чётко отлаженный механизм военной разведки просто перестанет существовать.

- Мир стоит на краю гибели, разве есть у него будущее?

- Будущее всегда есть. Но не всех оно устраивает. Нас не устраивает будущее Германии, каким видит его Британия и Франция. Будущее России туманно. Политический режим неустойчив, возможно, монархия падёт. Кто будет у власти завтра? В любом случае, нам нужны люди в окружении этой власти, которые повернут политику России туда, куда нужно нам, Германии. Нам нужно жизненное пространство, и мы будем расширять его на Восток. Мы создадим мощный трансконтинентальный блок, и тогда мы будем диктовать свои условия и Британии, и Франции, и Америке. Пленные, которые находятся здесь: и русские, и французы – прошли предварительный отбор. С ними можно работать. Вам предстоит отобрать из них тех, кто понесёт наши идеи в Россию.

- Для этого нужно вдолбить им эти идеи.

- Вот именно Вы этим и займётесь. Мы посвятим Вас в «Германенорден», а Вы приобщите их. Я приглашаю Вас сегодня на заседание ордена, с этого начнется Ваша работа.

Генрих понял, что вопрос об этом назначении был решён ещё до того, как его отправили в довольно странную командировку, сопровождать русских пленных офицеров, в результате которой он стал членом тайного общества, где вызревали основы будущего устройства мира. В 1918 году на основе «Германенордена» будет создано общество Туле, названное по имени мифического острова, столицы древних ариев, а позже, оно перерастёт в тайное общество Аненербе (наследие предков), возглавляемое Гиммлером.

Из всех русских военнопленных Генрих особо выделил молодого подпоручика Михаила Тухачевского, отличающегося амбициями Бонапарта, несомненной личной храбростью, граничившей с авантюризмом, и острым, оригинальным умом.

- Скажите, господин подпоручик, – спросил его Генрих во время одной из бесед, – каким Вы видите будущее вашей страны?

- России нужно избавиться от предрассудков, отбросить всё старое, весь хлам, запретить религию. России нужна сильная личность, способная перевернуть её.

- Кого же Вы представляете в роли этой личности?

- В настоящее время в России нет таких личностей.

- А Ленин? Большевики?

- Если Ленину удастся избавить Россию от предрассудков, сделать её сводной и сильной державой, я пойду за ним.

- Вы разделяете убеждения большевиков?

- Нет, я признаю право сильного на власть, и если такой силой окажутся большевики, я примкну к ним.

- России нужен союзник, что Вы можете сказать по этому поводу.

- Россия уже имела в качестве союзника страны Антанты, ничего хорошего из этого не вышло. Думаю, Вы правы, господин Зольднер, Германия – достойный союзник для России.

- Где же Вы видите своё место в будущей сильной и свободной державе?

- Я вижу себя во главе армии.

- Достойный ответ! Думаю, совместными усилиями мы сможем осуществить Вашу мечту.

- Это не мечта, это реальная оценка своих способностей.

- Ну, что ж, тем лучше.

В тот же вечер Генрих доложил Карлу Хаусдорфу о своей беседе с подпоручиком Тухачевским. В обширном зале крепости, где находился кабинет Хаусдорфа, было прохладно, огонь камина не давал тепла, сырость весны семнадцатого года сочилась сквозь щели узких, высоких окон. Хозяин кабинета сидел в кресле с высокой спинкой за письменным столом, он жестом указал Генриху на кресло напротив себя, и выслушав его доклад, сказал:

- Что же, весьма неплохо, достойная кандидатура для наших планов. Продолжайте работать с ним, он скоро понадобится. Временное правительство в России слишком временно, чтобы быть правительством. На него мы не можем делать ставку. Не сегодня, завтра, к власти придут большевики.

- Почему большевики?

- Больше некому.

- И Вы всерьёз думаете, что с Лениным и большевиками можно строить далеко идущие отношения?

- А почему бы, и нет? Нам не важно, какая власть будет в России, важно, какую роль в судьбе России сыграет Германия. Продолжайте работать, Генрих, обратите внимание на французов, есть ли среди них те, кто разделяет наши геополитические идеи?

- В наших геополитических идеях нет места Франции, вряд ли кто-то из французских офицеров может разделять наши взгляды на будущее устройство мира.

- Франция не должна нам мешать. И это главное. Сейчас идите, работайте. Настроение этих офицеров, когда они вернутся в свои страны, неизбежно будет иметь влияние на умы обывателей. Те, чьи государства лежат в сфере наших интересов, должны разделять наши убеждения, а те, остальные, должны быть убеждены, что мир должно устроить только так, и никак иначе.

Наблюдая за французскими пленными офицерами, Генрих обратил внимание на капитана Пьера Жерве. Что-то подсказывало ему, профессиональному разведчику, что тот отличается от обычных военнопленных, заброшенных на территорию противника волею обстоятельств. После индивидуальных бесед, Тухачевский, в среде военнопленных, всё чаще заводил откровенные разговоры о своём видении будущего России, он живо воспринял геополитические идеи Хаусдорфа. Капитан Жерве после этого довольно близко сошёлся с Тухачевским, хотя прежде не проявлял к нему особого интереса.

Генрих решил понаблюдать за Пьером. Военнопленных отпускали на прогулку в город в сопровождении нескольких невооруженных конвоиров, предварительно взяв с них подписку – честное слово офицера, о том, что они не сбегут. Так что военнопленные получали относительную свободу передвижений, хоть и под надзором. Генрих наблюдал за этими прогулками, оставаясь незамеченным, и однажды внимание его привлёк престарелый господин в чёрном, неизменно возникающий раз в неделю в одном и том же месте во время прогулок военнопленных. Из периодичности его появления и совпадения времени его прогулок с прогулками военнопленных, напрашивался вывод, что находится он здесь не случайно. Как-то раз капитан Жерве, проходя мимо этого господина, что-то спросил у него; Генрих не мог расслышать слов, но господин приподнял шляпу и удалился. Оберлейтенант Зольднер проследовал за ним, проводя его до дверей дома. Он выяснил, что по этому адресу проживает некто Фридрих Кантор, мелкий лавочник. Ничего интересного по поводу этого господина выяснить Зольднеру не удалось, и он продолжал наблюдения за прогулками капитана Жерве.

Однажды, в начале августа, во время прогулки он обратил внимание на газету в левой руке капитана. Поравнявшись с господином в чёрном, неизменно торчащим на бульваре в одном и том же месте, капитан приостановился, приподнял газету, и переложил её из левой руки в правую. Затем, проходя мимо урны, газету он выбросил, а через некоторое время, когда военнопленные уже скрылись за поворотом, к урне подошёл господин в чёрном, и подобрал выброшенную капитаном газету.

- Господин Кантор, – обратился к нему Генрих, – Вы всегда вынимаете прессу из урн, а не из почтового ящика?

Лавочник смутился, не находя что ответить, он понимал, что скрыться бегством от молодого оберлейтенанта ему не удастся, и попытался избавиться от газеты, но Генрих перехватил его руку.

- Спокойно, господин Фридрих, не делайте глупостей. Пройдёмте, присядем вон на ту скамейку, поговорим.

Они подошли к скамейке, сели.

- Покажите мне эту газету.

Господин в чёрном весь сжался, стиснул газету в руке, прижимая её к себе. Он молчал.

- Успокойтесь. Не стоит так нервничать. Я мог бы кликнуть жандармов и препроводить Вас в отделение, но я не буду этого делать, я не причиню Вам беспокойства. Просто покажите мне эту газету.

Кантор дрожащей рукой протянул газету Генриху. Развернув её, Генрих заметил на полях газеты колонки цифр.

- Что это? – спросил он. – Шифровка? От кого? Кому предназначена?

- Простите меня! Простите! – залопотал он. – Я не могу. Я не знаю, я ничего не знаю! Я просто мелкий лавочник! Меня попросили, я тут ни при чём! Поверьте!

- Я мог бы забрать Вас вместе с этой газетой в контрразведку, там расшифруют это сообщение, и станет ясно многое.

- Умоляю Вас! Не делайте этого! Я ничего не знаю, я просто передаю эти газеты господину, который за ними приходит. Я не знаю его, меня попросили.

- Хорошо. Успокойтесь, идите домой, и никому, ни под каким видом о нашей встрече не говорите. Тот господин, что приходит за передачей, знает, что сегодня она должна состояться?

- Нет, не знает. Он приходит раз в две недели, и если есть передача, я отдаю ему.

- Когда он должен придти?

- Через три дня, в четверг, он всегда приходит в четверг.

- Не говорите ему ничего о том, что произошло сегодня, просто скажите, что передачи не было. Газету я забираю. Если будет передача следующий раз, поступайте так, как поступаете обычно. Я больше не буду Вам мешать. Я сейчас идите, и помните: никому ни слова! От этого зависит Ваша безопасность.

Господин ушёл, а Генрих, посидев ещё несколько минут, убедившись, что Фридрих Кантор направился в сторону своего дома, вернулся в крепость и разыскал капитана Жерве.

- Господин капитан, пройдёмте во двор, хочу с Вами побеседовать.

Они вышли во двор, пошли вдоль аллеи, под сплетёнными ветвями деревьев, дающих прохладу и тень, весело чирикали воробьи, и ничего не напоминало о том, что где-то рядом шла война.

- Скоро осень, – сказал Генрих, – пойдут дожди, и от этого великолепия ничего не останется. Скоро год, как я здесь, и всё так же идёт война, а я, боевой офицер, здесь, среди пленных врагов. Вам не кажется, что я, как и Вы, здесь в плену?

- А Вы хотите на фронт?

Генрих вытащил газету и показал её капитану.

- Эту газету, господин капитан, Вы сегодня выбросили в урну. Её подобрал один господин. И вот что интересно, на её полях я обнаружил шифровку. Не объясните ли мне, кому она предназначалась?

- Шифровка? О чём Вы говорите? – искренно удивился капитан.

- Я взял эту газету на столе. Прочёл её, и выбросил в урну. На эти цифры на полях я даже не обратил внимания. Подумать только! Неужели это и впрямь шифрованная запись? Никогда бы не подумал! Может, кто-то из офицеров просто делал какие-то вычисления?

- Это не вычисления, Это шифровка. И я не сомневаюсь, что написали её Вы. Это очень просто проверить. В контрразведке, думаю, сумеют её расшифровать. Заодно и определят, кому из офицеров принадлежит почерк.

- Проверьте, – Пьер пожал плечами. – Мне-то что. Я просто взял газету на столе.

- Вы действительно хотите, чтобы я обратился в контрразведку? Может быть, мы как-то по-другому решим эту проблему?

- Не понимаю Вас, оберлейтенант.

- Вы рассказываете мне о содержании шифровки, и о том, кому она предназначена, а я не обращаюсь в контрразведку. Поверьте, я не желаю причинять Вам зла. Ведь в контрразведке станет всё ясно, но тогда я уже ничем не смогу Вам помочь. Лучше расскажите всё мне, здесь и сейчас.

- Почему Вы думаете, что это лучше? Если я расскажу Вам всё, здесь и сейчас, контрразведке будет меньше работы, но чем это будет лучше для меня?

- Тем, что в контрразведку я обращаться не буду, оставим всё, как есть.

- Тогда зачем Вам всё это?

- Возможно, мне потребуется Ваша помощь.

- Чем же я смогу Вам помочь?

- Я вижу, Вы не верите мне.

- Не верю, так как не вижу Вашего интереса в том, чтобы не передавать это дело в контрразведку. Вы хотите использовать меня в своей игре, но в этом случае я должен знать, в чём эта игра заключается.

- Никакой игры нет. Просто я попал в безвыходное положение, мне нужна помощь. Я не Генрих Зольднер, я офицер русской разведки. Что произошло в России, Вы знаете. У меня нет связи, да и России уже нет. Помогать Германии порабощать свою Родину, я не хочу, потому и обращаюсь к Вам за помощью, ведь Франция и Россия союзники в этой войне.

- Вы хотите попасть в Россию?

- Да, но просто сбежать я не могу. Идет война, и меня задержат при первой же проверке документов. Мне нужны явки тех, кто поможет мне попасть в Россию.

- Вы хотите бежать прямо сейчас?

- Нет, пока рано. Мне ещё не всё известно о планах Германии относительно России. Это во-первых, во-вторых, нужен случай, повод, чтобы отлучка моя из крепости не выглядела как бегство. Меня не должны искать, по крайней мене до того, как мне удастся пересечь границу Германии.

- Я помогу Вам. Если меня уже не будет в лагере, когда Вам понадобится помощь, обратитесь к Кантору. Он свяжет Вас с нужным человеком. Я предупрежу его относительно Вас.

- Спасибо. Вот Ваша шифровка.

- Хотите знать, что в ней? Тут планы германской разведки относительно Михаила Тухачевского, в ближайшее время его переправят в Россию. Он должен быть там к началу большевистского восстания.

- Это он Вам сказал?

- Да, в частной беседе. Он доверяет мне.

- Мне об этом ничего не известно.

- Вы работаете с ним только по линии геополитики, конкретным его применением в России занимаются другие.

- Кто? Хаусдорф?

- Возможно, он не говорит, он вообще не называет имен тех, кто работает с ним.

- Разумно. Если желаете, я сам передам Кантору Вашу шифровку, чтобы Вам лишний раз не рисковать с передачей.

- Думаете, за Вами не следят?

- По крайней мере, слежки я не заметил.

- Хорошо, я допишу Кантору несколько слов о Вас.

- Он знает шифр?

- Нет, я напишу открытым текстом. Скажите, чтобы он оторвал эту записку и сжёг при Вас. Если заметите слежку, к Кантору не ходите, газету уничтожьте.

- Но это опасно, писать открытым текстом.

- Я напишу условными фразами, он поймёт.

- Спасибо Пьер, был очень рад нашему знакомству.

- Я тоже очень рад, – ответил капитан, протягивая руку Генриху.

Они пожали друг другу руки, и разошлись. Генрих сразу же отправился к лавочнику, у которого несколько часов назад отобрал шифровку. Он шел по разным улицам, несколько раз менял направление – слежки не было. Уже начало темнеть, когда Генрих подошёл к дому Фридриха Кантора. Он постучал.

- Кто? – послышался голос за дверью.

- У Вас есть запчасти к швейным машинкам австрийского производства? – произнес Генрих пароль, полученный от Пьера.

- Я торгую только машинками фирмы «Зингер», – ответил лавочник.

- Тогда мне нужны три иглы, челнок и шпулька.

- Проходите, – дверь отворилась.

- Боже мой! Это Вы, господин оберлейтенант? – воскликнул изумлённый лавочник.

- Да, это я. Вот возьмите свою газету. Там на последней странице записка, оторвите, прочтите и сожгите при мне.

Кантор оторвал клочок газеты с запиской, прочёл и тут же сжёг над свечой.

- Всё сделаю непременно так, как просит господин Пьер. Приходите, как только Вам понадобится помощь.

- До свидания, господин Кантор, – сказал Генрих и вышел.

Через две недели после этого события лагерь облетела тревожная весть. Сбежали во время прогулки два офицера: подпоручик Тухачевский и капитан Чернивецкий. Подписи с обязательством честного слова офицера были подделаны. Чернивецкого вскорости поймали, а Тухачевский благополучно скрылся от жандармов. Хотя за побег и нарушение честного слова полагался расстрел, капитана Чернивецкого осудили лишь за подделку документов на месяц ареста.

Каким образом Тухачевскому удалось бежать, был ли это случай, или спланированная операция германской разведки, Генрих Зольднер не знал, Хаусдорф имя Тухачевского в разговорах более не упоминал, не задавал лишних вопросов и Генрих. Время шло, уже наступила осень, а случая, который помог бы Генриху незаметно исчезнуть из лагеря, всё не представлялось.

Вести из России не радовали. К власти пришли большевики во главе с Лениным. Новая власть обещала отдать заводы рабочим, а землю крестьянам. Армия была полностью деморализована и потеряла всякую боеспособность. Солдаты оставляли окопы и бежали домой, туда, где новая власть обещала делить землю. Троцкий на переговорах с Германией занял оригинальную позицию: «Мира не подписывать! Войну не вести! Армию распустить!».

Он заявил: "Мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Мы выходим из войны. Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнёт, горе и несчастья миллионам человеческих существ. Правительства Германии и

Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они своё дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора". После этого он огласил официальное заявление советской делегации: "Отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны прекращённым. Российским войскам одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту".

В ответ началось наступление германских войск, и русская армия, распущенная Троцким, покинула окопы. Только состояние дорог да весенняя распутица сдерживали темпы наступления врага. Германия овладела Прибалтикой и Украиной. Противостоять противнику было некому – царская армия уже перестала существовать, а Красная армия ещё не была создана. По настоятельному требованию Ленина, несмотря на возражения соратников, в небольшом городке, Брест-Литовске, был подписан мирный договор; Россия потеряла Польшу, Прибалтику, Украину и часть Белоруссии, но осталась существовать, как государство.

Однажды Карл Хаусдорф в беседе с Генрихом Зольднером сказал:

- Могу Вас поздравить. Ваш протеже успешно добрался до России, и сейчас этот бравый подпоручик уже командует армией.

Генрих насторожился, Хаусдорф впервые после побега Тухачевского заговорил о нём, значит и побег его не был случайностью.

- Думаю, без Вашей помощи тут не обошлось.

- Каждый волен думать в меру своей сообразительности.

- Вы не доверяете мне?

- Почему? Вам доверено большое, важное дело, с которым Вы с успехом справились.

- Но мне доверено далеко не всё, что связано с делом Тухачевского.

- Каждый выполняет свою задачу. Вы свою задачу выполнили. А по поводу доверия, вот что я Вам скажу. Не покажется ли странным то, что во время галицийской операции у генерала Брусилова были точные данные о расположении и состоянии войск четвертой армии, а генерал Ауффенберг получал от Вас дезинформацию, что и привело его армию к поражению?

- Вы называете дезинформацией не точные разведданные.

- Я называю вещи своими именами. Я располагаю достаточными сведениями о Вас и вашей деятельности, чтобы сделать вывод, – вы работали на русскую разведку.

- И когда же Вы сделали такой вывод?

- Ещё до того, как пригласил Вас в Ингольштадт.

- Так, почему же Вы меня пригласили, а не передали сразу свои сведения в контрразведку?

- Мне нужен был человек, хорошо знающий русских, вот я и выбрал русского. Ведь лучше Вас никто бы не справился с этой задачей. Я уже говорил – войны кончаются миром, и сегодняшний противник завтра может стать союзником. Я не ошибся в Вас. В России большевики, Вы им не симпатизируете, я тоже. Так что у нас с Вами общий противник, а мы союзники.

- Мне нечего Вам возразить. Я против большевиков. И у меня нет другого выхода, как сотрудничать с Вами. Но в России гражданская война, большевики долго не продержатся, что тогда?

- Продержатся, долго, достаточно долго. Вспомните Кромвеля, Робеспьера, гражданские войны не выигрывают короли, им отрубают головы. Вот и большевики расстреляли своего царя, и всю его семью. Думаете – это что? Акт жестокости? Варварство? Дикость? Месть дорвавшейся до власти толпы? Нет, дорогой мой, нет! Они всему миру показали, что обратной дороги не будет. Чтобы ни произошло в России, какая бы власть ни пришла на смену большевикам, никогда, никогда, слышите? Никогда в России не возродится монархия!

- А долго ли продержится монархия в Германии?

- Думаю, недолго. Кайзер Вильгельм потерял авторитет в мире. Власти меняются, но геополитические интересы остаются неизменны. Из России к нам прибывает некто, господин Дамасский[2], это не его настоящая фамилия, кто он – нам пока неизвестно, но ясно одно – он представляет нынешнюю власть России. Но прибывает неофициально, и искать контакты будет не с официальными лицами, которые уже ничего не решают, а с теми, кто решает всё, независимо от того, кто в данный момент стоит у власти, то есть с нами. Вы будете присутствовать на этой встрече. Мы начинаем крупную игру. И не важно, какая власть сегодня в России, и какая завтра будет в Германии.

2 Реальное лицо – господин Доманский, под этим псевдонимом прибыл в Швейцарию Ф.Э. Дзержинский.

- Вы привлекаете меня к своей игре? Несмотря на всё, что Вы обо мне знаете?

- Я уже вас привлёк, и Вы отлично справились.

- А Вы не боитесь, что я буду играть не на Вашей стороне?

- А на чьей? На стороне большевиков? Так ведь и мы играем не против них. Бисмарк говорил: «На востоке врага нет». Так, что у Вас просто нет других вариантов.

- Я не в восторге от большевиков. Я не разделяю убеждений Тухачевского. Не верю, что большевики смогут вывести Россию из кризиса. Я монархист, я давал присягу царю и отечеству.

- Кто Вам сказал, что я в восторге от большевиков? Ни коммунисты, ни социалисты мне не симпатичны. Более того, я не хочу подобного в Германии. Но не надо быть ни монархистом, ни коммунистом – нужно быть реалистом. Да и Вы, скорее реалист, чем монархист. В этом я убедился.

- Когда состоится встреча?

- Я Вам сообщу.

В октябре 1918 года господин Дамасский прибыл в Швейцарию, а оттуда направился в Германию. В Ингольштадте состоялась первая встреча таинственного господина из России с Карлом Хаусдорфом, на которой присутствовал и Генрих Зольднер.

За окнами шёл мелкий осенний дождь, капли его стекали по стеклу, искажая пространство, стирая ощущение реальности мира. В комнате горел камин, у которого стояли три кресла. В одном сидел таинственный господин из России, напротив него Карл Хаусдорф, левее – Генрих Зольднер.

- Вы искали встречи с нами, – начал беседу Хаусдорф, – но почему с нами, а не правительством?

- Мы уже обращались к правительству. Господин Чичерин изложил наши предложения германскому послу Гильфериху, но ответа мы не получили. Вместо этого нас вынудили подписать дополнительно финансовое соглашение по Брестскому миру, которое ставит наше государство трудное положение.

- А что же Вы хотели? После убийства нашего посла, Мирбаха, что обычно рассматривается как объявление войны, Вы предлагаете военно-политическое сотрудничество. Можно ли доверять такому предложению? Ваш командующий фронтом даже объявил нам войну. Как правительство нашей страны должно расценивать все эти действия?

- И убийство посла, и попытки сорвать Брестский мирный договор – всё это провокация мятежников, экстремистов. Мятеж подавлен, и с нашей стороны были сделаны попытки отыскать взаимные интересы.

- Мы не в меньшей степени заинтересованы в восстановлении нити контактов с востоком. Но правительство опасается, что сближение с большевистской Россией, активизирует движение социалистов в самой Германии. Нам известно, что Ваша страна подогревает революционной брожение масс, я могу даже назвать имена Ваших эмиссаров, подталкивающих народ к восстанию.

- В России существуют силы, сориентированные на мировую революцию. Но наше нынешнее правительство не разделяет это направление. Более того, мы никак не заинтересованы в социалистической революции в Германии. Победа социализма в Германии будет означать крах большевиков в России. Это, во-первых, активизирует агрессию Запада по отношению к Германии и России, во-вторых, приведёт к расколу внутри нашей страны. Против нас поднимутся те, кто ратует за мировую революцию.

- Вы не разделяете революционной романтики интернационалистов?

- Вы хотели сказать – авантюризма. Мы не романтики и не авантюристы, мы – реалисты. Немецкие коммунисты, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, обвиняют нас в заключении Брестского мира с Вами. Они считают, что заключив мир, мы сорвали процесс мировой революции. Но мы к мировой революции не стремимся. Мы хотим сохранить Россию. И во имя сохранения её мы скорее пойдем на союз с буржуазной Германией, чем поддержим немецких коммунистов.

- Если в Германии начнётся революция, какие шаги предпримут большевики?

- Мы даём гарантии, что никоим образом не будем способствовать её развитию.

- Этого мало. Вы должны убедить руководство компартии не поднимать восстание, чтобы не допустить того, что произошло в России.

- У нас с ними возникли довольно острые противоречия. Но мы предпримем всё наше влияние, чтобы убедить немецких товарищей не предпринимать никаких решительных действий.

- А если дело дойдёт до необходимости физического устранения Карла Либкнехта и Розы Люксембург?

- Мы не будем этому препятствовать, и окажем возможное содействие. Мы помним, что Ваше ведомство оказало революции в России значительную финансовую помощь. Но сейчас, подписанное 27 августа дополнительное соглашение к Брестскому миру ставит Россию грань финансовой катастрофы. Мы не в состоянии выплатить все репарационные долги.

- Думаю, мы сможем Вам помочь. Назовите имена, и мы откроем счета в швейцарских банках с суммами, компенсирующими ваши расходы.

Дождь усилился, низкие тяжёлые тучи бродили над городом, люди шли по улицам, прикрываясь зонтами, прячась под капюшоны плащей, где-то на фронтах, в окопах мёрзли, мокли и умирали солдаты, а здесь, в уютной небольшой комнате у камина три человека, не требуя друг у друга мандатов, не спрашивая полномочий, без протоколов, без записей беседы, решали судьбы стран и народов.

Глава 3.

Вспомнив события недавнего прошлого, Андрей Николаевич вздохнул, посмотрел в окно. Шёл дождь, такой же серый и монотонный, как тогда, в Ингольштадте. Но то была осень восемнадцатого года, а сейчас уже весна двадцатого.

- Так, Вам приходилось бывать в Ингоштадте? – повторил свой вопрос барон.

- Приходилось, но если мне случится встретиться с Тухачевским – это провал.

- По словам Макарова, они с Тухачевским не общались. Поручика Макарова привезли в Ингольштадт уже после побега Тухачевского.

- Подпоручик Тухачевский не знает поручика Макарова, но он хорошо знает Генриха Зольднера. Но и мне, то есть Генриху Зольднеру, в Ингодштадте с Макаровым встречаться не приходилось. Либо он не Макаров, либо в Ингольштадте никогда не был. Следовало бы побеседовать с этим Макаровым, как его?

- Вадим Сергеевич.

- Мне необходимо с ним встретиться.

- Это невозможно. Его в марте 1919 года арестовала контрразведка генерала Боровского, давно уже расстреляли этого поручика.

- Жаль, поторопились. Мне нужно было бы как можно больше узнать о нём. Родственники, друзья, сослуживцы.

- Контрразведка уже отработала легенду, всё узнаете у них.

- И где же этот поручик был целый год? Легенда-то старая.

- Якобы содержался в тюрьме на Керченском полуострове, а недавно бежал.

- Как ему удалось бежать? Сначала из германского плена, потом из белогвардейского? Почему год назад он оказался здесь, в Крыму? Зря его расстреляли. Поторопились.

- Нет, это мы с Вами опоздали.

- У меня будет время проститься с семьей?

- Нет. Вашей семье сообщат, что Вы срочно убыли для выполнения важного задания. А сейчас идите в особый отдел, к генералу Климовичу, он ждёт Вас.

Андрею Николаевичу не давали покоя вопросы, на которые в особом отделе ему никто ответить, скорее всего, не сможет. Он знал, что Тухачевский, после месячного пребывания в Швейцарии, оказался во Франции, откуда граф Игнатьев, военный атташе, переправил его через Лондон в Санкт-Петербург. А каким образом поручик Макаров оказался в Крыму? Ведь он шёл к большевикам. Пробирался через Францию? Но почему в Крым, к белым?

Генерал Климович долго не беседовал с Красновым, он вызвал капитана Ершова, который занимался делом поручика Макарова ещё в особом отделе армии генерала Боровского, и приказал ему ввести Андрея Николаевича в курс дела. Попрощавшись с генералом, офицеры отправились в кабинет капитана Ершова. Тот достал из стола папку с делом, и начал рассказывать:

- Взяли его, в районе Чонгарских укреплений, когда он к красным перейти пытался. Прямо на наши посты вышел, мог бы обойти, если бы местность знал. Назвался поручиком Макаровым, рассказывал, что бежал из немецкого плена. Доставили его к нам особый отдел.

- При каких обстоятельствах попал в плен к немцам?

- В бою под Ломжей. Воевал в шестой роте Семёновского полка, командовал ротой капитан Веселаго. Немцы атаковали на рассвете, под прикрытием тумана подкрались, и ударили по окопам. Почти вся рота

погибла, командир был убит, а Макарова и ещё нескольких офицеров взяли в плен.

Всё это очень напоминало Андрею Николаевичу обстоятельства, при которых попал в плен Тухачевский. Но имени поручика Макарова Тухачевский в своих рассказах никогда не упоминал.

- Проверяли?

- Да, проверили. Поручик Макаров считается пропавшим без вести в бою под Ломжей.

- Документы при нём были?

- Документов не было.

«Действительно, – подумал Краснов, – пленные документов на руках не имели, но как он смог без документов пробраться через всю Европу, и оказаться в Крыму?»

- Как удалось бежать? Как попал сюда, спрашивали?

- Спрашивали, но путано как-то всё отвечал. Говорит, бежал во время прогулки, потом пробрался во Францию, в Марселе портовые рабочие помогли спрятаться на судне, которое везло в Крым продовольствие и оружие для французской армии.

- У Вас фотография его есть?

- Да, сфотографировали его, вот, извольте взглянуть, – капитан протянул Краснову фотографию. С неё на Андрея Николаевича с лёгкой, чуть заметной улыбкой смотрело лицо… Пьера Жерве. Он взял фотографию в руки, дыхание перехватило. «Так, вот оно, что. Вот почему обстоятельства похожи. Они взяты из рассказов Михаила Тухачевского. Пьер воспользовался информацией, которую получил в Инголштадте, для своей легенды, а настоящий поручик Макаров, по всей вероятности, действительно погиб в бою под Ломжей. Но почему без прикрытия? Ведь французская армия была здесь, в Крыму!».

- Зачем же его расстреляли? Ведь многое же не ясно.

- Так его французы расстреляли, не мы.

- Как?!

- У него нашли записку с данными о составе и дислокации французских войск в Крыму. Передали его французам, для уточнения, а те и шлёпнули.

- Вы при расстреле присутствовали?

- Нет.

- Где похоронили, известно?

- Да, на старом городском кладбище.

- Берите двух солдат с лопатами, и идемте на кладбище, нужно вскрыть могилу.

- Зачем?

- Странно всё это, господин капитан, очень странно.

До кладбища шли молча. «Нет, не могли французы его расстрелять, – думал Андрей Николаевич, – не могли». Пока они добрались до кладбища, начало темнеть. За полуразвалившейся низкой оградой из серого ракушника виднелась невысокая, поросшая бурьяном могила.

- Вот здесь его похоронили, – сказал капитан Ершов.

- Копайте, – приказал солдатам штабс-капитан Краснов.

Солдаты начали копать.

- Закурим? – спросил капитан, протягивая Краснову пачку папирос. Андрей Николаевич молча взял папиросу. Они курили, наблюдая за работой солдат. Сырой осенний ветер тоскливо завывал в черных ветвях деревьев. Низкие, тяжелые облака плыли над весенней землей, ещё не прогретой солнечными лучами, размытой дождями, пропахшей дымом и гарью.

- Ваше благородие! – крикнул один из солдат. – Тут нету никого!

Могила была пуста.

- Вот так-то, господин, капитан, – сказал Андрей Николаевич. – Так где же поручик Макаров? Не годится легенда, никуда не годится! Что хотите делайте, господин капитан, но найдите мне этого поручика, живим или мертвым! – Андрей Николаевич сделал глубокую затяжку, и выдыхая дым, подумал: «Лучше, конечно, живым».

«В апреле девятнадцатого года французские войска ушли из Крыма. Где же теперь Пьер Жерве? – думал Андрей Николаевич. – Ушёл с ними? А, может всё-таки, поручик Макаров уже служит в войсках Красной армии?».

- Наведите тут порядок, холм дёрном прикройте, чтобы следов не видно было, – отдал он распоряжение солдатам. Докурив, он швырнул на землю окурок, и втоптал его сапогом в грязь.

- Пошли в штаб, – обратился он к Ершову, – здесь нам больше делать нечего.

- Чем дальше, тем больше вопросов, господин капитан, и ни одного ответа. Как можно с такой легендой идти за линию фронта? – сказал он, когда они отошли от кладбища так, что солдаты не могли слышать их

разговора. – Солдат проинструктируйте, чтобы об этой разрытой могиле никому ни слова!

- Не беспокойтесь, господин штабс-капитан, народ проверенный.

- Нет, к красным его французы переправить не могли, иначе не было бы этой инсценировки с расстрелом, был бы побег. А вот наша легенда, с побегом никуда не годится. В апреле девятнадцатого Крым заняли красные, Белая армия отступила на Керченский полуостров, за Акманайские позиции. И что этого поручика контрразведка за собой таскала?

- Пленных при отступлении расстреливали, если не было особых причин.

- И эта «особая причина» – отработка легенды для внедрения своего разведчика? Нет, не годится!

- Логичнее было бы то, что поручик Макаров бежал из немецкого плена, чтобы воевать на стороне белых, но, разочаровавшись в белом движении, перешёл на сторону красных.

- Хотите, чтобы меня сразу же расстреляли? Год назад Дыбенко не очень-то церемонился с белыми офицерами, расстреливал не разбираясь, кто в чём разочаровался!

- Уже после этого было, что солдаты, да и офицеры переходили к красным. Мне в особом отделе приходилось этим заниматься. Не было замечено ни одного случая, когда бы добровольно перешедшего к ним, красные расстреляли.

- Тщательно всё отработайте, подготовьте дезинформацию, для передачи красным, согласуйте её с генералом Врангелем. Хотя не нравится мне всё это, ох, как не нравится!

Штабс-капитан Краснов шёл по легенде, разработанной французской разведкой для капитана Жерве. Почему в последний момент всё изменилось? Андрею Николаевичу попасть из Германии в Крым помогла всё та же французская разведка, и контакты ему дал капитан Жерве. Может легенда готовилась именно для него?

Когда в сентябре 1919 года в местечке Сен-Жермен, близ Парижа, представители держав, участвующий в первой мировой войне, собрались подписать договор, определяющий устройство послевоенной Европы, Карл Хаусдорф вызвал Генриха Зольднера и сказал:

- Вам не приходилось бывать во Франции?

- Нет, не приходилось.

- А как бы Вы отнеслись к моему предложению, посетить одно прекрасное местечко недалеко от Парижа?

- Полагаю, Вы направляете меня туда не для отдыха.

- Правильно полагаете. На днях там соберутся представители многих государств. Речь идёт о подписании договора, определяющего порядок в послевоенной Европе.

- Вы хотите включить меня в состав германской делегации?

- Нет, Генрих, да и германской делегации там не будет. Решается судьба Австрии.

- В чём же будет заключаться моя миссия?

- Вам следует поинтересоваться поведением представителей России.

- Насколько мне известно, представителей Советской России никто на переговоры не приглашал. Россия вышла из войны, заключив сепаратный мир с Германией.

- Да, российскую сторону не приглашают, но я не сомневаясь, что большевистская разведка примет в этом деле активное участие. Кто, и в каком качестве прибудет в Сен-Жермен из России, мне не известно. Именно это Вы и должны будете выяснить.

Это был шанс через Францию пробраться в Россию, чтобы принять участие в борьбе против большевиков. Поздним дождливым вечером Генрих Зольднер постучал в дверь мелкого лавочника Фридриха Кантора. Пьера Жерве к этому времени в лагере для военнопленных уже не было. Он исчез после событий ноября 1918 года, когда пала власть кайзера Вильгельма второго, и в Германии была провозглашена Веймарская республика. Побегом это не было, его вывезли из крепости, куда и зачем – Генрих не знал.

Кантор не удивился, увидев оберлейтенанта Зольднера. Он встретил его, как старого знакомого:

- Здравствуйте, господин оберлейтенант, чем могу служить?

- На днях убываю во Францию, в Сен-Жермен. Нужны явки.

Фридрих достал из письменного стола открытку с изображением морского побережья, и передал её Генриху:

- Запомните адрес и текст, обратный адрес не указывайте, укажите номер почтового отделения и свою фамилию. Через три дня ждите письмо до востребования, там будет адрес, где Вас ждут. Передадите привет от тетушки Шарлотты. На вопрос: «Как здоровье старушки?», ответите: «На сердце пока

не жалуется, а вот подагра совсем замучила». Покажете открытку. Их всего две, третьего экземпляра нет.

Генрих Зольднер убыл во Францию под именем коммерсанта Ганса Крамера. Французская разведка способствовала тому, чтобы штабс-капитан русской армии Андрей Николаевич Краснов оказался в Стамбуле у генерала Врангеля. А местные газеты напечатали сообщение, что в лесу, близ города было обнаружен труп коммерсанта Ганса Крамера, убитого, как предполагает полиция, с целью ограбления. Так, уйдя из поля зрения немецкой разведки, он попал в поле зрения французской. Могли ли французы отработать легенду для него? Пьер Жерве исчез из Ингольштадта в ноябре 1918 года, а в январе 1919, под именем поручика Макарова появился в Крыму. Ганс Крамер прибыл в Сен-Жермен в сентябре 1919 года. Нет, не мог капитан Жерве предусмотреть всё, что будет после его исчезновения из Ингольштадта.

Глава 4.

Холодный, неистовый ветер дул над окопами. Он нёс клочья дыма, пропитанные запахом гари, мелкие капли дождя, возникая из тьмы хлестали по лицу.

- Здесь переходить будете, – сказал капитан Ершов Андрею Николаевичу. – Пару выстрелов вслед дадим для натуральности.

- Не зацепите только, не видно ведь ни зги. А то ещё, по Вашему примеру, солдатики из соседнего окопа пальнут.

- Не зацепим, да и солдаты по перебежчику стрелять не будут, за последнее время уже семьдесят случаев перехода к красным. Никого ещё не застрелили. Там, сразу же их посты. Присмотритесь к местности, пока.

- Да, уже присмотрелся, смотри, не смотри, всё равно ничего не видно.

- Огонёк видите? За бугорком отсвечивает.

- Вижу.

- Там их пост.

- У костра? В прифронтовой полосе? Молодцы ребята!

- Греются. А мы мерзнем тут, по всем правилам военной науки.

- Ну, ладно, до встречи, если свидеться ещё придется, я пошёл.

- Храни Вас господь, господин штабс-капитан.

Андрей Николаевич поднялся из окопа и шагнул во тьму. Он побежал, прикрываясь от ветра рукой. Два выстрела прогремело вслед, но пули прошли далеко, даже свиста их не было слышно из-за ветра. Отбежав от окопов значительное расстояние, он перешёл на шаг.

- Стой, кто идёт! – раздалось из тьмы сквозь ревущий ветер.

- Поручик Макаров. Иду в расположение ваших войск.

Из тьмы возникли два силуэта с винтовками наперевес. Метров сто, левее поднимался дымок костра.

- Как же тебя сюда занесло, Ваше благородие? Позиции белых тама, сзади.

- А мне красные нужны, отведите меня к своему командиру.

- А может шлёпнуть тебя тут, на месте? А то, кто знает, что ты за птица? Может шпиён?

- Шлёпнуть всегда успеете. Отведите к командиру. У меня есть сведения о расположении врангелевских войск.

- Ну, иди вперёд, и смотри, не балуй! Руки подыми, – сказал красноармеец.

Андрей Николаевич поднял руки и неторопливо двинулся вперёд. Сзади, за своей спиной, ощущал он тяжёлые шаги. Сейчас он был в полной власти этих двух мужиков с винтовками. От их настроения зависела его жизнь. Впервые за всё время службы Андрея Николаевича, он, офицер русской армии, шёл под конвоем русских солдат. Его привели в землянку, где располагался штаб полка Красной армии.

- Стой здесь, сейчас про тебя товарищу командиру доложим, – сказал один красноармеец, второй вошёл в землянку. Вскорости он вышел и сообщил:

- Товарищ командир приказали доставить беляка к нему, входи, Ваше благородие, входи, не стесняйся! – солдаты засмеялись.

Андрей Николаевич молча вошёл в землянку. Перед ним, судя по нашивкам на рукаве, звезде с четырьмя кубиками, за некоторым подобием стола сидел командир полка.

- Я, командир полка, Спиридонов Алексей Иванович, а кто Вы? Зачем перебежали к нам?

- Поручик Макаров, Вадим Сергеевич, хочу сражаться на стороне Красной армии.

- Вот как? Да, Вы садитесь, а то, как говорят, в ногах правды нет.

- А где она, правда?

- Правда на стороне народа, сбросившего иго капиталистов и помещиков. Так мы, большевики, считаем. Что же Вас к нам привело? У Вас ведь своя правда?

- Разочаровался я в этой правде, нет больше белого движения. Я русский дворянин, и Россия для меня значит всё. А белые генералы продают Россию по частям, Англии, Германии, Франции. Народ не с нами, вот и ищут генералы союза с кем угодно, готовы разодрать Россию на части, только бы большевикам не отдать. Барон Врангель говорит: «Хоть с чёртом, лишь бы против большевиков!», а я говорю: «Хоть с чёртом, лишь бы за Россию, Великую и неделимую!».

- «Хоть с чёртом», говорите, значить правды нашей не признаёте? Идеалов марксизма не разделяете?

- Я с четырнадцатого года за Россию воюю, политикой не занимаюсь, я солдат.

- Я тоже с первого дня войны в окопах, ротой командовал, но для меня в семнадцатом проблемы выбора не было. Сразу понял – на стороне большевиков правда. Почему людей нужно делить на господ и рабов? Кто и когда сказал, что так устроен мир, и по-другому нельзя?

Алексей Иванович скрутил самокрутку:

- Курите?

- У меня папиросы, – сказал Андрей Николаевич и протянул Спиридонову пачку.

- О! Давно такой роскошью не баловался! Давайте, закурим ваши.

Он закурил, с наслаждением втягивая давно забытый аромат дорогого табака.

- Давно в белой армии?

- Год. У Врангеля. До этого был в немецком плену, бежал, добрался до Крыма, чтобы воевать за Россию. Оказалось, не за Россию воюю, а помогаю союзникам делить её на части. Больше не хочу, не желаю. Вот и перебежал к вам.

- Пока Вы были в плену, в России произошли события, которых не понять издалека. Были бы Вы тогда в России, уверен, по-иному бы сложилась Ваша судьба.

- Да, по-иному. «Ты даже не представляешь себе, как бы по-иному сложилась моя судьба, будь я тогда, в семнадцатом здесь, в России» –

подумал Андрей Николаевич. И тут он понял: всё, о чем он сейчас говорил – правда. Нет, не за Россию воюет Белая армия, «Хоть с чёртом, лишь бы против большевиков» – именно так оно и есть. Готовы распродать Россию по частям, лишь бы большевикам она не досталась.

- А, у Врангеля, где служили?

- В армейской разведке.

- Можете показать на карте, что известно Врангелю о составе и дислокации наших войск?

- Могу, ещё могу по памяти показать на карте план обороны Крыма.

- Тогда поехали к начальнику дивизии.

Когда они вышли из землянки, уже начало светать. Бешеный, холодный ветер не унимался. Сквозь тяжелые, мрачные тучи на востоке пробивалась слабая полоска зари.

- Семенов! Коня мне и поручику! Едем к начдиву. Хоменко остаётся за меня, всё понятно?

- Товарищ комполка, Вы бы с собой бойцов взяли, мало ли что? Давайте, мы с Петровичем Вас проводим.

- Я что, красна девица, чтобы провожать меня? Ладно, давайте с нами, для вашего же спокойствия.

Спиридонов не опасался нападения со стороны банд или врангелевских лазутчиков, но ему пришла мысль, что его, бывшего царского офицера, могут обвинить в сговоре с поручиком, перебежавшим из стана противника.

- Быстро по коням, и вперёд!

Штаб дивизии располагался в селе, в нескольких километрах от штаба полка. Четверо всадников скакали сквозь ветер по раскисшей степной дороге, алым знаменем разгорался рассвет над выжженной, изрытой снарядами, пропахшей гарью и дымом землёй. Когда добрались они до штаба дивизии, уже совсем рассвело. У крыльца низкой, покрытой камышом хаты их встретил часовой.

- Мы к начдиву, – доложил комполка.

- Товарищ Спиридонов, – ответил часовой, – товарищ начдив отдыхают!

- Буди! Скажи, по срочному делу.

- Так они только что легли, всю ночь работали!

- У кого там, срочное дело? – на пороге возникла фигура начальника дивизии в бурке, наброшенной на плечи. – А, это ты, Спиридонов, что случилось?

- Перебежчик от Врангеля, поручик Макаров, служил в разведке, имеет сведения о плане обороны Крыма, – доложил командир полка.

- Ну, входите, поговорим.

Они вошли, на столе лежала карта с обстановкой. В хате было накурено, видимо совещание только что закончилось, тусклый свет керосиновой лампы с трудом пробивался сквозь завесу дыма.

- Товарищ Потапов, поручик Макаров перебежал к нам, желает сражаться на стороне Красной армии.

- Подходите, поручик, сюда, к карте. Как звать-то?

- Вадим Сергеевич.

- Михаил Иванович Потапов, начальник дивизии, – начдив протянул руку поручику. – В разведке, говорите, служили? Покажите на карте, что известно Врангелю о дислокации наших войск?

Макаров подошёл к карте, внимательно изучил её, и спросил:

- Что это за части на левом фланге?

- Две кавалерийские дивизии.

- О них Врангелю ничего не известно, в остальном всё примерно так, только есть некоторые неточности.

Он показал на карте, как дислоцированы войска красных с точки зрения разведки Белой армии.

- Что по поводу плана обороны Крыма?

Поручик Макаров карандашом набросал план обороны с учетом дезинформации, подготовленной капитаном Ершовым. Начдив облокотился на стол, подперев голову рукой, и что-то ворчал, покачивая головой. Затем он взял трубку, раскурил, выпуская дым, как паровоз, и сказал:

- А мы считали, что вот здесь, – он ткнул в карту мундштуком трубки, – у белых более сильные укрепления. Ну, что ж, спасибо, поручик. Господином называть Вас не буду, а товарищем ещё рано. Переоденьтесь, будете служить в должности комвзвода, в разведке. Денисов! – крикнул начдив в глубину хаты. – Поручика переодеть, накормить, и ко мне.

Есть работа по Вашему плану обороны, - продолжил начдив, обернувшись к Макарову.

Из полумрака хаты возникло заспанное лицо ординарца.

- Слушаюсь, товарищ Потапов! – отчеканил тот.

- А Вы, товарищ Спиридонов, возвращайтесь в полк, – распорядился начдив.

После того, как поручик Макаров был перевоплощён в комвзвода Красной армии, накормлен кашей и определён в часть, он вновь прибыл к начальнику дивизии, и увидел там молодого красного командира, которого начдив представил, как сотрудника особого отдела дивизии. Вежливо побеседовав с поручиком, тот предложил ему написать подробную биографию, и особое внимание уделить обстоятельствам, при которых он попал в германский плен, и то, каким образом ему удалось бежать. Вадим Сергеевич знал слабости своей легенды, по данным капитана Ершова поручик Макаров числился пропавшим без вести в бою под Ломжей, но никто не знал, что известно о его судьбе Тухачевскому, о своём пребывании в Ингольштадте он умолчал, Тухачевский точно знал, что в Ингольштадте поручика Макарова не было. Понимал он и то, что для его проверки обратиться к командующему фронтом особый отдел дивизии сможет только в случае особых обстоятельств, и он должен строить свою работу так, чтобы этих особых обстоятельств не возникло.

После того, как работа с сотрудником особого отдела была закончена, начдив вызвал командира авиационного отряда и инженера.

- Вот, знакомьтесь, наш главный летун, Сергей Назаров, и инженер отряда, Петр Кузнецов. Наши авиаторы проведут разведку с воздуха согласно Вашего плана обороны. А Вы, Вадим Сергеевич, уточните им задачу.

Макаров, склоняясь над картой, стал подробно объяснять авиаторам, на какие объекты нужно обратить особое внимание.

- И ещё, – сказал он в дополнение, – особое внимание нужно обратить на дислокацию танков и броневиков, по моим данным, они находятся в районе Симферополя, но должны быть переброшены к Джанкою.

- Ну, что ж, полетим посмотрим, как только ветер утихнет, – сказал Назаров.

- А кто полетит? – спросил Потапов.

- Сам полечу, задача сложная, но выполнимая.

- А лётнабом кого возьмете?

- Да, с Кузнецовым полетим. У него глаз, как у орла, да и за технику я спокоен, когда Петр со мной летит.

Глава 5.

- Ну, что, покурим? – предложил Макаров авиаторам, протягивая пачку папирос, когда они вышли из хаты.

- Да, я не курю, – отказался Назаров.

- Я тоже к табаку не пристрастен, – ответил Кузнецов.

Вадим Сергеевич прикуривал, прикрываясь от ветра, но спичка гасла, и только с третьего раза ему удалось прикурить.

- Ветер-то какой! – Макаров спрятал портсигар в карман. – Давно в авиации?

- Да, как только первые этажерки в небо поднялись, так и я летать начал, – ответил Назаров, – ещё с Сергеем Уточкиным в Одессе начинал.

- А я до войны в Одессе на заводе Анатры инженером работал, – сказал Кузнецов. – А с четырнадцатого года мы с Сергеем на фронте. Вот добьём Врангеля, в Одессу, домой вернусь, там у меня жена с сынишкой остались. Давно их не видел. А ваши-то как?

- Когда уходил на германский фронт, сыну годик был, где теперь жена с сыном – не знаю. Оставил их в Питере, сперва письма приходили, а теперь – ни писем, ни вестей.

- Ничего, – сказал Назаров, – война скоро кончится, найдёте своих.

Ветер проносил рваные клочья облаков, сквозь которые проглядывала синева весеннего неба, казалось, ненастье кончается, но с севера надвигались тёмные тучи грозящие разразиться то ли дождём, то ли снегом.

- Когда лететь сможете? Как думаете, надолго эта непогода?

- Думаю, через наделю погода установится, тогда и полетим.

- Когда лететь будете, сообщите, может дополнительные вопросы появятся.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Макаров пошёл по улице, утопающей в весенней грязи, перемешанной колесами телег, копытами и сапогами, вдоль низких, крытых соломой хат. Шёл он в сторону базара. Сегодня среда – базарный день. Связной, с которым предстояло установить контакт, торговал на базаре овсом. Макаров подошёл к человеку с бородой, в тулупе и заячьей шапке, и спросил:

- Почём нынче овес?

- Так, это смотря чем платите.

- Плачу тем же, чем и Николай Иванович платил.

- Николай Иванович всегда платил царскими червонцами.

- Как он? – поинтересовался Вадим. – Всё также курит трубку и кашляет?

- Да, курит трубку, хотя и предпочитает английские сигары.

- Доктора утверждают, что английские сигары особенно вредны для здоровья. Звать меня, Вадим Сергеевич, а Вас, если не ошибаюсь, Тихоном зовут?

- Так точно, Тихон, Ваше…, простите, товарищ комвзвода. Так, что передать Николаю Ивановичу?

- Как только утихнет ветер, на разведку вылетит аэроплан. Будут проверять дислокацию войск. Начдив не верит моим данным. Обеспечьте маскировку войск в районе станции Юшунь. И сделайте так, чтобы аэроплан из этого полёта не вернулся. Учтите, лётчик опытный. Я попытался заманить их в ловушку, они будут искать танки в районе Симферополя. Аэроплан должен быть сбит, и упасть на нашей территории.

- Не извольте беспокоиться, Вадим Сергеевич, сегодня же передам Ваши требования Николаю Ивановичу. Встреча здесь же, при необходимости, в каждый базарный день.

- А если Вы мне срочно понадобитесь? Где Вас искать?

- Вон та, крайняя хата у дороги.

Через неделю ветер унёс остатки тяжёлых мрачных облаков на юг, и стих, над весенней землёй в синем, безоблачном небе поднималось солнце. Треск авиационных моторов возник в пространстве, он нарастал, плыл над степью, выдавливая из утренней дремоты тишину. Лётчики вместе с начальником дивизии и Макаровым, расстелив карту на траве, уточняли маршрут.

- Обратите особое внимание на состояние железнодорожного моста, – сказал пилотам начдив.

- И ещё танки, – добавил Макаров, – у меня нет точных сведений об их дислокации, возможно, они уже переброшены к Джанкою.

- Так у нас горючего не хватит, – Кузнецов усмехнулся. – Думаю, сначала проведём разведку в прифронтовой полосе. А полёт к Симферополю перенесем на другой раз. Иначе на обратный путь просто горючего не останется.

- Меня в первую очередь интересует район Юшуня. Данные нашей разведки расходятся с вашей информацией о плане обороны Крыма, – сказал начдив, обернувшись к Макарову.

- Я мог и ошибиться, – отозвался Макаров, – план обороны видел у Врангеля на столе всего один раз, воспроизвёл по памяти.

- Вот именно, – сказал начдив. – Всё нужно проверить. Ну, давайте, летуны, удачи вам!

Все поднялись, и направились к аэроплану. Это был двухместный разведчик «Анатра-ДС», оборудованный пулемётом в задней кабине. Пилот и летный наблюдатель осторожно, чтобы не повредить перкаль крыльев, забрались в кабины, Назаров запустил мотор. Двигатель чихнул, выплюнул клочья синего дыма и заработал на малых оборотах. Пилот надвинул на глаза очки, прогрел мотор, помахал рукой собравшимся на аэродроме, добавил газ, и вырулил на взлётную полосу, отмеченную красными флажками и белыми полотнищами на скудной зелени травы. Двигатель взревел, поток воздуха от винта волнами всколыхнул траву за килем, поднял клубы пыли, раздувая её над степью. Аэроплан разбежался, слегка покачиваясь на неровностях, и оторвался от земли. Медленно набирая высоту он развернулся в сторону Чонгарского пролива.

Назаров вёл аэроплан на высоте пятисот метров. От Чонгарского пролива он повернул на запад к станции Юшунь. Временами снижался, чтобы лучше рассмотреть позиции противника. Кузнецов наносил на карту линию обороны, пересчитывал количество огневых точек, определял плотность размещения войск. Иногда раздавались одиночные винтовочные выстрелы, тогда Назаров пикировал на позиции, имитируя бомбардировку, выстрелы прекращались, солдаты старались укрыться в окопах и блиндажах – эффективных средств противодействия авиации в те времена не было. Но у станции Юшунь их встретили залповым огнём. Пули попали в мотор, порвали в клочья перкаль левого нижнего крыла, ранили пилота и летного наблюдателя. Аэроплан, оставляя шлейф дыма, пошёл вниз. Назаров, собрав последние силы, тянул на себя штурвал, пытаясь выровнять подбитую машину. Аэроплан с креном на левое крыло стремительно приближался к земле. Пилот успел погасить скорость, но выровнять машину не удалось. Кузнецов уперся правой рукой в борт, левая рука была пробита пулями, и нагнул голову. Он ощутил удар, левое колесо шасси подломилось, аэроплан развернулся вокруг левого крыла, и замер, задрав к небу стабилизатор,

уткнувшись дымящимся мотором в землю. Петр выбрался из кабины, и бросился к пилоту.

- Серега, жив? – крикнул он, пытаясь вытащить Назарова из разбитого аэроплана.

Ответа не было, голова пилота безжизненно упала на грудь, из раны на голове текла кровь. Назаров был мёртв.

Аэроплан упал в поле, недалеко от поселка. Метрах в трехстах, на возвышенности, за плетёной изгородью, виднелась крытая соломой хата. Петр побрёл туда, надеясь на помощь. Каждый шаг болью отдавался во всём теле, пули попали в левую руку и бок. Он добрался до изгороди, но не смог отыскать калитку, силы покинули его, и ослабевшее тело повисло на плетне. Дверь отворилась, из дома вышел мужик, и увидев горящий аэроплан вдали и человека в летной кожаной куртке и шлеме у своего дома, перекрестился.

- Ах, ты Боже мой! – воскликнул мужик и поспешил на помощь раненому авиатору. Он втащил Петра в дом.

- Эй, Дарья, помоги! – крикнул он жене. – Тут у нас летун раненый.

- О, Господи! – сплеснула руками Дарья. – Клади его сюда, на лаву, я сейчас, раздену его, а ты за доктором беги, да скорее, пока не помер. Откуда он?

- Видала, там, за селом аэроплан упал?

- Ах, ты Боже ж мой, Боже ж мой! Он кто? Красный?

- Да, видать, красный, стреляли по нему.

- Только бы белые не узнали. Да, беги, беги скорее за доктором!

Доктор Лебединский жил на соседней улице. Когда Иван Денисов, подобравший раненого у своего дома, попросил его о помощи, он, не говоря ни слова, собрал инструменты и пошёл за Иваном. Доктор обработал раны, перевязал Кузнецова и посоветовал:

- Укройте его потеплее, пить давайте. Рука заживёт, а в боку пули навылет прошли, внутренности не задеты.

- Спасибо, доктор, – слабо произнёс Кузнецов, придя в сознание.

Вроде бы всё складывалось благополучно: ранение было неопасным, белые, добравшись до аэроплана, увидели мертвого пилота, и успокоились – они не знали, что пилотов было двое. Но когда доктор Лебединский вернулся домой, жена набросилась на него с расспросами:

- Где ты был? Зачем Иван к тебе приходил? Кому помощь нужна? О каком раненом он говорил?

- За селом аэроплан упал, к Ивану пилот раненый пришёл. Я оказал ему помощь.

- Пилот-то кто? Из красных небось?

- Красные, белые – мне какая разница?! Я врач, я клятву Гиппократа давал! Я обязан помочь, и я помог! А кто он: белый или красный – меня не интересует!

- Ах, не интересует тебя! А как белые узнают, что ты красного пилота лечил, что тогда? Об этом ты хоть подумал? А обо мне ты подумал? Да, расстреляют тебя, что я тогда буду делать? А то и меня заодно с тобой пристрелят! Об этом ты подумал?! Клятву он давал! Посмотри, какой благородный выискался! Не то сейчас время, чтобы в благородство играть! О себе думать надо!

- Да, ладно тебе, никто меня не тронет.

- Что? Ты так уверен? Не тронут, видите ли, его! Только и слышно, что расстреливают! То дезертиров, то ещё кого, а его, видите ли, не тронут! Сейчас же иди в штаб, и сообщи, что Иван Денисов красного укрывает!

- Так, расстреляют же его!

- А ты хочешь, чтобы тебя расстреляли?! Иди! А не пойдешь, то совсем уходи из дому! А то беду накличешь!

Доктор Лебединский вздохнул, вышел из дома, и поплёлся в штаб дивизии, занимавшей позиции в районе станции Юшунь. Штаб располагался здесь же, в станционном посёлке. Он медленно шёл по грязной, не мощёной улице, придумывая поводы по которым его не примут в штабе, либо не обратят на его сообщение никакого внимания. А если и обратят, то красного лётчика арестуют, поместят в госпиталь, а Ивану вообще ничего не сделают. «Почему его должны непременно расстрелять? – думал доктор. – Ему необходимо стационарное лечение, в госпитале ему окажут необходимую помощь, может, ему операция нужна, ведь возможно и заражение крови, а в госпитале этого не допустят. Ведь он же военнопленный». Так за время недолгого пути он почти уговорил себя, что поступает так не ради спасения собственной, никчемной жизни, но только ради здоровья раненого пилота. И акт предательства предстал в его сознании поступком благородным, совершённым исключительно ради заботы о ближнем.

Когда он подошёл к крыльцу штаба, по его лицу, несмотря на холодную погоду, струился пот. У крыльца стоял часовой.

- Вы к кому? – спросил он.

- Мне к дежурному, я должен кое-что сообщить, – голос его дрожал, он ждал, что часовой не пустит его, пошлёт вон, и всё кончится. Но часовой крикнул вглубь помещения:

- Савельев! Проводи господина доктора к дежурному по штабу!

На пороге появился солдат, и поправляя обмундирование, сказал:

- Идёмте, господин доктор.

Они вошли в штаб, прошли по коридору, подошли к двери с надписью: «Дежурный офицер».

- Подождите здесь, – попросил солдат, и войдя в кабинет сказал:

- Ваше благородие, тут господин доктор до Вас.

- Пусть войдёт, – послышалось из глубины помещения.

Доктор Лебединский вошёл, поздоровался с капитаном, и стал перед ним, не зная, куда деть руки. Дежурный офицер, заметив его возбуждённое состояние, сказал:

- Садитесь, Антон Семёнович, да не волнуйтесь Вы так, что случилось? Рассказывайте.

- Понимаете, господин капитан, тут такая история, не знаю как и начать.

- А Вы с начала начните, говорите, я слушаю Вас.

- Вы видели, нынче утром, за селом аэроплан упал?

- Да-да, видел. Это был разведчик красных. Наши доблестные воины дали ему чертей! Пилот погиб. Ну и что?

- А примерно через час, постучался ко мне Иван Денисов, что на третьей улице живёт, и попросил раненному помочь. И я, известное дело, пошёл, не мог не пойти, я ведь клятву Гиппократа давал. Гляжу – а у него пилот раненый с того аэроплана, ну я его перевязал, как положено, и сразу же к Вам.

- Так-так, интересно, – капитан привстал, – значит пилотов двое было?

- Выходит, что двое, господин капитан.

- Ну, успокойтесь, господин доктор, идите домой, а с пилотом этим, и с Иваном Денисовым мы разберёмся, где, говорите он проживать изволит?

- На третьей улице, крайний дом.

- Ну и ладно, идите, спасибо Вам, господин доктор, за бдительность. От лица командования, выражаю Вам благодарность.

Капитан взял под козырёк, пожал Лебединскому руку, и вывел его из кабинета.

- Савельев! – крикнул он солдату. – Проводи господина доктора!

Доктор на ватных, не гнущихся ногах вышел из штаба. Он жадно вдохнул холодный ветер, и поплелся домой. Брёл наугад, по лужам, разбрызгивая сапогами весеннюю грязь, и не заметил сам, как вместо своего дома очутился около шинка. Вздохнув, он обречённо вошёл в шинок. Внутри было накурено и грязно, подвыпившие посетители шумно галдели, не обращая на него никакого внимания. Он сел за свободный столик, и тот час же к нему подскочил человек в грязном, замызганном переднике:

- Чего изволите, господин доктор? Вина? Водочки? Смирновской не имеем-с, но местный самогончик отменный, не пожалеете. Так, что прикажете подать-с?

- Принеси вина, хотя нет, давай самогонку, и закусить чего-нибудь.

- Не извольте беспокоиться, сей момент-с!

Человек исчез, будто растворился в табачном дыму, и вскоре вновь появился с подносом, на котором красовался графин с мутной жидкостью и блюдо с солёной рыбой.

Антон Семёнович самогонки прежде никогда не пил, раньше, в старые времена, он пил шампанское, смирновскую водку, французский коньяк и прочие благородные напитки. Сейчас же он выпил стакан самогонки, и не почувствовал ни отвращения, ни удовольствия. Он пил, заедал рыбой, и снова пил. Сколько он выпил – не считал, но желанного расслабления и забытья не приходило. Так он просидел в кабаке весь день, а к вечеру к нему подсел мужик, живший на соседней улице. Выпив стакан самогонки, он тихим голосом сказал:

- Слышали, что нынче делается, господин доктор?

- А что делается? – отозвался Лебединский. – Ничего не делается.

- Видели? Аэроплан за посёлком упал?

- Ну, видел, ну упал, ну и что? Нам-то какое дело?

- А дело такое, что у Ивана Денисова раненого красного лётчика нашли! Вывели его на двор, бинты сорвали, и штыками закололи, а самого Ивана Денисова и жену его, Дарью, в саду расстреляли.

- Такое время, брат, жизнь человеческая ничего нынче не стоит, – философски заключил доктор, – человек, как вошь поганая, тут живет, а тут раз – и нет его. Давай, лучше выпьем – царство небесное и живым, и мёртвым!

Глава 6.

Наступление Врангеля, начавшееся в июне, и имевшее поначалу значительный успех в Таврии, захлебнулось, потеряв половину личного состава и техники, белые покатились назад, на юг, к Крыму. Красная армия, завершив к сентябрю польскую кампанию бесславным поражением войск Западного фронта под командованием подпоручика Тухачевского, смогла всерьёз заняться Врангелем. Командующим Южного фронта был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Ленин, в беседе с ним, сказал: “Главное заключается в том, чтобы не допустить зимней кампании…. Нельзя допустить бегства Врангеля в Крым. Разгром его надо закончить до декабря”. Вадим Сергеевич Макаров, получив ещё один кубик к нарукавной нашивке, в звании комроты, служил в разведке штаба Южного фронта. Ему удалось передать информацию о плане Фрунзе в штаб Врангеля. Согласно этого плана, 6-я и 1-я конные армии должны были прорвать врангелевские тылы и отрезать его войска от Крыма. Получив эту информацию от Макарова, Врангель, прикрывшись Донским казачьим корпусом с Севера, пустив в дело танки и броневики, которых не было у красных, не дал замкнуть кольцо окружения, и отступил в Крым. Но закрепиться в Крыму Врангелю не удалось, Красная армия, прорвала Юшуньские укрепления, и ворвалась на полуостров.

Ещё 2-я конная под командованием Миронова брала Джанкой, в портовых городах начиналась эвакуация остатков Русской армии, а комроты Макаров был направлен в Севастополь, чтобы по возможности воспрепятствовать вывозу за границу ценностей, представляющих собой национальное достояние. Как это сделать никто не знал, в том числе и сам Вадим Сергеевич, но прибыв в Севастополь в качестве штатского лица, коммерсанта, он первым делом разыскал капитана Ершова. Миссию свою в штабе фронта Красной армии штабс-капитан Краснов считал выполненной, и собирался вместе с семьёй покинуть русскую землю, на которой уже не было места тем, кто ещё вчера был её элитой. Встретиться лично с Петром Николаевичем Врангелем ему не удалось, тот занимался подготовкой эвакуации, курсируя на своей яхте «Лукулл» между Севастополем и Феодосией. Но капитан Ершов передал ему просьбу генерала.

- Можете считать свою задачу выполненной, – сказал он. – Вы сделали всё, что было в Ваших силах, и имеете право эвакуироваться вместе с семьёй.

Но с потерей Крыма борьба не заканчивается, она входит в новую фазу. Русская армия не уничтожена, она уходит с территории России, но не перестаёт быть русской, и остаётся армией. Рано или поздно она ступит на землю своего отечества. Отступая, важно создать подполье белой армии в среде большевиков. Среди русских офицеров, которые сейчас служат большевикам, немало истинных патриотов. Придёт время, и мы взорвём большевистский режим изнутри. Тогда и Русская армия вступит в дело. Нам очень важно, чтобы Вы остались там, у красных, барон Врангель просил, если Вы найдёте в себе силы остаться, то продолжайте выполнять свою миссию.

- Я офицер, русский дворянин, и для меня просьба барона равносильна приказу. Я остаюсь, надеюсь, что мы ещё увидимся, и с Вами, и с Петром Николаевичём. Передайте ему, что я до конца остаюсь предан России и белому движению.

- Вы можете отправить с нами Вашу семью.

- Я сейчас же переговорю с женой, и сообщу Вам, господин капитан.

Когда Андрей Николаевич вновь отворил дверь своего дома, его жена бросилась к нему, не сомневаясь в том, что всё кончилось, и они, наконец, смогут выехать за границу.

- Боже мой! Андрей! Как я тебя ждала! Когда, когда мы сможем уехать? Такое творится, такое творится! Все бегут, бегут, а тебя всё нет и нет. Я даже не знала, жив ли ты? Боже мой! Какое счастье, что ты опять с нами! Мы уедем? Уедем в Париж?

- Я русский, Наташа, русский дворянин. И мне нечего делать в Париже. Мое место здесь, в России. Борьба не окончена, она продолжается. Тайная борьба. Я служу у красных, в штабе фронта. Есть много офицеров, которые не довольны нынешним руководством страны. Придет время, и советская власть рухнет, всё вернется к прежним временам.

- Как? Ты остаешься здесь? У большевиков? А мы с Коленькой? Что будет с нами, ты подумал?

- Вы можете эвакуироваться, барон Врангель позаботится о вас.

- Без тебя мы никуда не поедем!

- У меня теперь другое имя, другая фамилия. Если вы останетесь, мы не сможем жить одной семьей. Но я не брошу вас. И мой сын продолжит нашу борьбу, о его карьере я позабочусь.

Наталья Алексеевна отстранилась от него, взгляд её наполнился горечью и болью:

- Какая борьба? О чём ты говоришь?! Я устала от этой войны, от этого ужаса! Я хочу жить, просто жить! Хочу, чтобы сын наш жил спокойно, а ты! Ты хочешь и его втянуть в эту бессмысленную борьбу!

Ей показалось, что муж её стал каким-то чужим, в его борьбе, борьбе жестокой и бесполезной, не было места ни семье, ни теплоте домашнего уюта, ни всему прочему, что наполняло жизнь смыслом и любовью, даже сыном он был готов пожертвовать ради этой борьбы. Они ещё долго говорили, спорили, что-то доказывали друг другу, в чём-то друг друга обвиняли, но так и остались друг другом не понятыми, в душе каждого из них осталась лишь горечь и боль. Потом он ушёл, чтобы уже никогда не вернуться в этот дом, и лишь редкие тайные встречи, упоминания чужих людей о событиях, к которым он был причастен – всё, что осталось от той общности, которая когда-то называлась их семьёй.

Глава 7.

После разгрома врангелевских войск в Крыму, Вадима Сергеевича Макарова оставили в Севастополе для борьбы с белогвардейским подпольем. Подчинялся он Ревкому Крыма, председателем которого был, блестящий литератор, журналист, превратившийся в кровавого палача, Бела Кун. Ревком потребовал от Вадима Сергеевича списки белогвардейцев, оставшихся в Севастополе после эвакуации. Вместо требуемых списков, он написал длинное, пространное донесение о мерах, принятых к вскрытию возможных подпольных организаций, оставленных для борьбы с Советской властью в Крыму. Одновременно он отправил рапорт Фрунзе с просьбой перевести его в действующую армию, где мог бы принести наибольшую пользу как военный специалист.

Служба в Севастополе требовала работы на грани провала, но давала ему возможность видеться с семьёй. Хотя встречались они с женой тайно, чтобы не вызвать подозрений «бдительных товарищей» из Ревкома. Естественно, что никакие белогвардейские организации Вадим Сергеевич не вскрывал, он имитировал бурную деятельность, опрашивал портовых

рабочих, оформляя протоколы таким образом, чтобы из их содержания невозможно было бы сделать конкретные выводы. Но он прекрасно понимал, что долго ему не удастся морочить голову «бдительным товарищам» из Ревкома. Потому с нетерпением ждал ответа на свой рапорт.

Однажды Розалия Землячка, секретарь Крымского обкома, объезжая с инспекторской проверкой свои владения, посетила и Вадима Сергеевича Макарова. Не увидев списков белых офицеров, подлежащих ликвидации, она пришла в ярость.

- Я спрашиваю Вас, где списки белогвардейцев? – сверкнув блюдечкам очков, она бросила на Вадима Сергеевича испепеляющий взгляд.

- Вы неправильно понимаете суть моей работы, – возразил он, – я не составляю списки, я разведчик, моя работа: установить наличие подполья, его цели, задачи, связи – именно этим я и занимаюсь.

- Учить меня вздумали? Если от Вас не поступят списки белогвардейцев, то я сама эти списки составлю, и Вы в них будете первым номером!

На этом разговор был окончен, никакие доводы слушать она не хотела. Она, и Бела Кун выполняли указание самого Троцкого. Когда они решили пригласить Льва Давидовича возглавить Крым, он ответил, что не приедет, пока хоть один белогвардеец остаётся на Крымской земле. Эти слова были восприняты как приказ.

На душе у Вадима Сергеевича была одна пустота. То, что происходило здесь, оказалось гораздо хуже и страшнее войны. Там, на фронте, в рядах Красной армии, он даже проникся симпатией к большевикам, была война, и обе стороны воевали за свои убеждения. У каждого была своя правда, своя вера, свой Бог. Здесь же не было ни правды, ни веры, ни Бога, была бессмысленная, нелепая жестокость. Он видел расстрельные команды, в основном, это были венгры. Он пытался заглянуть в глаза людей, только что расстрелявших своих ровесников, что он сможет увидеть там? Ненависть? Злобу? Нет, их глаза были пусты, они просто выполняли работу, работу палачей. Да, нет, даже не палачей. Ведь палач, поднимающий топор над головой приговоренного к смерти, знает, что состоялся суд, который признал обвиняемого виновным, и определил меру наказания. Здесь не было никакого суда, никто не требовал доказательства вины этих людей. Да, они с оружием в руках сражались против большевиков, но тогда была война, а у войны свои

законы. Сейчас эти люди уже не враги, но списки продолжали поступать в адрес Ревкома, и каждую ночь гремели выстрелы.

Видима Сергеевича даже не страшила угроза Землячки, смерть от пули казалась ему единственным выходом. «Может, всё проще, – думал он, – пустить себе пулю в висок, и всё?». Он вытащил наган, положил на стол. Несколько десятков сантиметров отделяют ствол от виска, прижать его к голове и нажать курок – вот и решение. «Она станет думать, что я испугался». Он представил, с каким презрением воспримет эта женщина весть о его самоубийстве. «Нет, это было бы слишком просто! Я не доставлю ей такого удовольствия!». Он никак не мог вспомнить, кого она напоминала ему, Розалия Самуиловна Залкинд, Землячка, чья землячка? И вдруг он понял, чья. Есфирь. Он вспомнил Библию, с какой жестокостью, с каким цинизмом уничтожала своих врагов эта библейская героиня. Всё повторяется, он понял, почему этой зловещей женщине не нужны ни суды, ни приговоры – её жестокость оправдана Святым писанием. Есфирь – вот имя зла, которое пришло на Крымскую землю.

В дверь кабинета постучали. Стук был тихим, неуверенным. «Кого ещё там чёрт несет?» – подумал Вадим Сергеевич, и ответил:

- Входите!

В кабинет вошёл человек, прижимая шляпу к груди, он поклонился, и тихо сказал:

- Здравствуйте, товарищ Макаров. Есть сведения, касательно Вашего дела.

- Какого дела? – переспросил Вадим Сергеевич.

- Белогвардейского подполья, – понизив голос до шепота, ответил посетитель.

- Садитесь. Кто Вы, и какими сведениями располагаете?

- Я Лебединский, доктор Лебединский, Антон Семёнович.

- Слушаю Вас, Антон Семёнович, говорите.

- Вчера на улице я встретил, – Антон Семёнович оглянулся, будто опасаясь присутствия в кабинете ещё кого-то, – капитана Докутовича, что служил в войсках генерала Слащова. Это он приказал расстрелять раненного красного летчика и семью, которая его укрывала. Он не узнал меня, я пошёл за ним, и выяснил, где он живёт. Это полуразрушенный дом на окраине города, возле Инкерманского монастыря.

- Вы уверены, что он там живёт? Может просто приходил к кому?

- Нет, я проследил, я несколько раз ходил к этому дому. Он там живёт, это точно.

- Хорошо, Антон Семёнович, спасибо за бдительность. Можете спокойно отправляться домой, я займусь этим делом.

Когда доктор ушёл, Вадим Сергеевич решил немедленно отправиться к капитану Докутовичу, необходимо предупредить его об опасности. Он посмотрел в окно, шёл дождь, мелкий, холодный осенний дождь, и тень доктора Лебединского, с поднятым воротником пальто, проплыла мимо окна. Вадим Сергеевич подождал ещё немного, и вышел из здания. Жалобно завывал ветер, раскачивая чёрные ветви деревьев, низкие, тяжелые облака, цепляясь за самые крыши домов плыли на юг, через море в чужие края. «Они тоже бегут отсюда, – подумал Вадим Сергеевич, – плачут дождями и уплывают в Турцию, вслед за теми, кто уже никогда не вернется на родную землю».

До Инкерманского монастыря далеко, километров пятнадцать, придётся проделать долгий путь пешком, под дождём. Можно было воспользоваться служебным автомобилем, но для этого нужно указать маршрут и цель поездки, а это совершенно ни к чему. Он шёл по улицам, проверяя, нет ли за ним слежки. После визита Землячки, и открыто высказанного недовольства в его адрес, можно было ожидать всего, чего угодно. Но слежки не было, никто не удосужился искать компромат на него, если потребуется, его расстреляют и так, без всяких компроматов. К вечеру он добрался до полуразрушенного дома, свет керосиновой лампы дрожал на стеках окон, в доме кто-то был, Вадим Сергеевич постучал.

- Кто? – послышался мужской голос.

- Представители Ревкома, откройте! – голосом, не допускающим возражений, сказал он, сказал и подумал: «Напрасно, место глухое, вместо ответа, можно и на пулю нарваться. Да, всё равно. Пристрелят, ну и чёрт с ним!»

Но выстрела в ответ не последовало, дверь отворил мужчина, стройный, высокий с чёрными усами и выправкой офицера. Вадим Сергеевич вошёл.

- Предъявите Ваши документы. И не вздумайте делать глупости, дом окружён.

- Пожалуйста, – небрежно ответил мужчина, протягивая документы.

- Значит, работник железной дороги? – переспросил Макаров, просматривая документы.

- Путейный обходчик, жильё служебное.

- Оружие имеется?

- Откуда у меня оружие? Я человек мирный, мне оружие ни к чему.

- Садитесь, поговорим, капитан Докутович!

Мужчина дернулся, но Макаров вытащил револьвер, и направил его на капитана.

- Спокойно, без глупостей!

Капитан Докутович опустился на стул.

- Тут какое-то недоразумение, Вы ошиблись, никакого Докутовича, я не знаю, я Фомичёв, путевой обходчик, там же всё написано, в бумагах.

- Значит, Докутовича Вы не знаете? А генерала Слащова знаете? А Юшуньский укрепрайон? Вы ведь служили у него в особом отделе. Привет Вам от Николая Ивановича.

Докутович молча уставился на Макарова, соображая, что это, провокация, или нет.

- Вы забыли отзыв: «Он всё так же курит трубку и кашляет?».

- Курит трубку, – ответил Докутович, – хотя и предпочитает английские сигары.

- Говорят, английские сигары особенно вредят здоровью, – ответил Вадим Сергеевич, убирая револьвер в кабуру.

- Так, что же Вы сразу с этого не начали, а то могли бы и пулю в лоб схлопотать.

- Оружие при себе держите? Лучше спрячьте куда подальше, найдут – тут же шлёпнут. Вам нужно срочно уходить из города. Вас узнал доктор Лебединский, он и донёс на Вас. Не знаю, кому кроме меня он ещё эту информацию доложил.

- Антон Семёнович? По части доносительства он мастак. Это он донёс мне о раненном красном лётчике, что укрывался в доме Ивана Денисова. Я послал подпоручика Кондратюка с тремя солдатами, приказал доставить красного в особый отдел. Но он поторопился, шлёпнул и красного летуна и Ивана Денисова с женой. Я, как получил указание Николая Ивановича уничтожить аэроплан красных, всё организовал, как положено. Одиночный выстрел из окопа, а когда тот на нас пикировать стал, залпом его свалили. Пилота допросить бы следовало, а этот гадёныш, Кондратюк, взял да и расстрелял его.

- Ладно, Бог с ним, с этим прапорщиком, пилота всё равно бы расстреляли, но Вам в городе оставаться нельзя. Уходите, и предупредите всех, кто остался для борьбы с большевиками. Никаких действий не предпринимать, лучше вовсе из Крыма убраться, пока здесь Бела Кун и Землячка свирепствуют. Затаиться и ждать. Доберётесь до Москвы, соберёте там нужных людей, каждый месяц на Главпочтамте спрашивайте письмо на своё имя, когда получите привет от Николая Ивановича, отпишите ответ с адресом, я Вам найду.

Глава 8.

Вадим Сергеевич шёл вдоль берега моря у мыса Херсонес, здесь он встречался со своей женой, Натальей Алексеевной. Встречался тайно, не смея приходить в свой дом, видеться с сыном, чтобы не навлечь беду на свою семью. Он ждал, что в любой момент может оказаться в списках тех, кто подлежит ликвидации, как пособник белогвардейцев. Наконец-то пришёл ответ на его рапорт, это был приказ Фрунзе откомандировать комроты Макарова в распоряжение штаба войск Украины и Крыма.

Холодный, обжигающий ветер хлестал по лицу, тяжёлые волны с белыми гребнями пены катились к берегу, и с шумом разбивались о низкие скалы ракушника. Резкие порывы ветра бились о туманный колокол на возвышенности, порождая тяжёлый, низкий стон древнего, позеленевшего металла. Наталья Алексеевна шла навстречу, прикрываясь рукой от леденящего ветра. Они встретились, она прижалась к нему и долго молчала Он отодвинул её от себя, посмотрел в усталые, печальные глаза, и сказал:

- Меня переводят на Украину, в штаб Фрунзе.

- О, Боже! – она упала к нему на грудь. – А как же мы с Коленькой?

- Не беспокойся, когда всё кончится, я вытащу вас отсюда.

- Но когда, когда? Мне кажется, что это никогда не кончится.

- Скоро, очень скоро всё это безумие прекратится, начнётся мирная, спокойная жизнь.

- Но ты не хочешь мирной жизни, тебя могут разоблачить. Что тогда?

- Не разоблачат. Фрунзе верит мне. А теперь иди домой, нам не надо больше видеться. Завтра я уезжаю.

Она отстранилась от него, посмотрела в его глаза с болью во взгляде, тихо сказала:

- Прощай.

Перекрестила его, поцеловала в лоб, повернулась и ушла. Он долго глядел вслед, пока хрупкая фигура её не растаяла в вечернем тумане.

Русская армия, которой сперва командовал Врангель, затем Кутепов, полностью потеряла своё, как военное, так и политическое значение. На связь с Макаровым никто не выходил. После того, как последний корабль с эмигрантами отошёл от Графской пристани, никто ни разу так и не передал ему привета от Николая Ивановича. Он служил в Красной армии, участвовал в боях с Петлюрой, и заслужил репутацию грамотного, знающего своё дело военного специалиста, преданного Советской власти. Был награждён орденом Красного знамени и получил третий кубик к нашивке на рукаве, что соответствовало командиру батальона. Когда Троцкого отстранили от руководства Красной армией, и на должность наркома по военным и морским делам в январе 1925 года был назначен Фрунзе, он вызвал к себе Макарова и предложил:

- Ну, что, Вадим Сергеевич, война закончилась, нужно всерьёз заниматься военным строительством, реформировать Красную армию на современной основе. Поедешь со мной в Москву?

- Спасибо Вам за доверие, Михаил Васильевич, конечно, поеду, но есть у меня к Вам одна просьба.

- Какая? Говори, что в моих силах, сделаю.

- Был у меня товарищ, штабс-капитан Краснов, погиб во время германской войны. Семья его осталась в Севастополе. Я чем мог, помогал им. Прошу Вашего содействия в переезде его семьи в Москву. Уверен, был бы жив Андрей Николаевич, он был бы сейчас с нами.

- Семья-то большая?

- Жена, Наталья Алексеевна и сын, тринадцати лет. Мечтает стать военным.

- Ну, что ж, – Михаил Васильевич записал данные о семье Краснова, – посмотрим, что можно для них сделать.

- Спасибо, Михаил Васильевич.

- Тогда собирайся, готовься принимать новую должность.

- Когда ехать?

- Сегодня.

Вадим Сергеевич знал, что в Москве, в Штабе Красной армии, ему неизбежно придётся встретиться с Михаилом Тухачевским, который исполнял обязанности Начальника Штаба, назначенный на эту должность ещё Львом Давидовичем Троцким. Если раньше он опасался этой встречи, то сейчас искренне её желал. Он знал о Михаиле Николаевиче, сделавшем головокружительную военную карьеру в столь короткий срок, взлетевшим от подпоручика до командарма, то, что не знал никто из его ближайшего окружения и руководства. Он понимал, что убеждения Тухачевского неизбежно подтолкнут его к действиям. К руководству страной и армией пришли люди, не разделявшие идей мировой революции и желающие видеть Россию могучей мировой державой. Вадим Сергеевич надеялся объединить военных, не довольных нынешним руководством страны, а если такое объединение уже существует, то примкнуть к нему. Но Тухачевского в Москве не было, Троцкий, ещё до своего отстранения от должности главы военного ведомства, успел отправить Михаила Николаевича на стажировку в Германию.

Первым делом по прибытии в Москву, Вадим Сергеевич отправил письмо на имя Докутовича с приветом от Николая Ивановича. Вскоре пришёл ответ, Докутович жил на Тверском бульваре, но Вадим Сергеевич не пошёл к нему, прежде нужно было убедиться, что по указанному адресу его не ждут работники ГПУ. Наблюдение за квартирой Докутовича не выявило признаков засады, и всё же он послал по указанному адресу письмо, назначив место встречи так, что добираться к нему нужно было несколькими маршрутами трамваев. Проследив за Докутовичем от самого дома до места встречи, он не обнаружил слежки, и подошёл.

- Гражданин, – обратился он к Докутовичу, держа в руке незажжённую папиросу, – у Вас спичек не найдётся?

- Найдется, – ответил Докутович, зажигая спичу, и поднося его к папиросе Вадима Сергеевича. – Здравствуйте, Вадим Сергеевич, всё нормально, слежки за мной нет.

- Тогда покурим?

- Покурим, – ответил Докутович, доставая пачку папирос.

- Вы один?

- Нет, мне удалось сохранить людей, в Москве нас немного, всего двенадцать человек, но есть оружие, взрывчатка, мы готовы действовать. Есть люди в Севастополе, в Одессе.

- Действовать пока рано. Ждите, никакой инициативы не проявляйте, сейчас главное собрать силы, скоординировать усилия всех групп и организаций недовольных Советской властью. Когда понадобитесь, я свяжусь с Вами, пока всё.

Был жаркий июль 1925 года, Вадим Сергеевич Макаров возвращался со службы, не спеша он шёл по Хамовнической набережной, и рассеянным взглядом смотрел, как какой-то буксир, пыхтя закопчённой трубой, тащил по Москве-реке баржу, его окликнули. Вадим Сергеевич вздрогнул от неожиданности, но продолжал идти не оборачиваясь. Его окликнули давно забытым именем Андрея Николаевича Краснова. «Неужели кто-то из давних знакомых узнал меня? – думал он. – Узнал со спины? На значительном расстоянии? Нет, не то. Слежка? Но кто? Из большевиков никто не знает о моём прошлом». Он продолжал идти, не останавливаясь, никак не реагируя на оклик. Его снова окликнули, уже совсем рядом, со спины, и невозможно было сделать вид, что он не понял, к кому обращаются. Он обернулся сказать, что окликнувший его человек ошибся, и вдруг увидел перед собой… капитана Пьера Жерве. Да, это несомненно был он, тот же взгляд, та же лёгкая, едва заметная, улыбка, но вместо формы элегантный серый костюм, не свойственный московским жителям того времени. Вадим Сергеевич остолбенел. Он застыл в той позе, в которой увидел Пьера. Пьер улыбнулся, в глазах мелькнули лукавые искорки:

- Вижу, узнали, – он протянул руку Вадиму Николаевичу. – Герман Бауэр, сотрудник немецкого посольства.

- Как? Вы, Пьер Жерве? Сотрудник немецкого посольства?

- Уже не Пьер Жерве, да и Вы уже не Генрих Зольднер, не так ли?

- Вадим Сергеевич Макаров.

Пьер Жерве, а ныне Герман Бауэр, предложил присесть на скамейку в тени ветвей развесистого дерева.

- Какой нынче июль знойный, уже вечер, а жара всё не спадает. Значит, теперь Вы Макаров, воспользовались нашей легендой, догадывались, что готовили её именно для Вас?

- Догадывался, но не могу понять одного – как Вы могли предвидеть, угадать мои действия на год вперёд, ведь Вас не стало в лагере задолго до того, как я отправился в Сен-Жермен?

- Гаданием мы не занимаемся, мы подталкивали Вас к этим действиям, мы управляли Вашим поведением. А управлять можно по-разному, это в

армии пишут приказы и боевые распоряжения, а можно и иначе, не заметно. Как садовник подрезает одни побеги и дает расти другим, так и мы направляем события туда, куда нужно, используя те ростки, которые уже созрели и готовы давать плоды, отсекая все лишнее.

- Я не совсем понимаю Вас, – ответил Вадим Сергеевич, – я действовал согласно своих убеждений, используя любую возможность, которая которая мне представлялась.

- Вернее, возможность, которую предоставляли Вам мы, – ответил Герман. – Вы истинный патриот России, человек верующий, знающий Библию, ведь так?

- Так.

- А у патриота России, чью убеждения основаны на Библии, возможна только одна линия поведения. Библия определяет устройство мира, разделяя людей на господ и рабов, и Вы, как представитель господ, никогда не сможете смириться, что рабы не хотят быть рабами, потому будете всеми силами бороться с тем, что произошло в России. Но Вы никогда не станете на сторону ни Германии, ни Англии, ни какой-либо другой державы, воюющей против России. Вы будете бороться с большевиками, но в России и за Россию, великую и неделимую. Мы решили помочь Вам в этой борьбе, подбрасывая Вам «случайности», которые неизбежно приведут Вас к нашей цели.

Как Вы поняли сейчас, капитан французской армии Жерве – всего лишь легенда. Я сотрудник германской разведки, кстати, большой привет Вам от Карла Хаусдорфа. История с шифровкой на газете, с явкой у мелкого лавочника – всё это его идея. Да, мы поняли, что Вы не желаете сотрудничать с нами, и при первой же возможности попытаетесь вернуться в Россию, вот мы и предоставили Вам такую возможность. А чтобы Вы не потерялись, или ни дай Бог, не угодили под пулю в каком-нибудь бою местного значения, мы подготовили для Вас легенду. Именно здесь, в большевистской России Вы нам нужны.

- Но для чего? Какая миссия на меня возложена? Что я должен сделать? Убить Сталина? Свергнуть большевиков?

- Продолжить то, что было начато в Ингольштадте.

- Что именно?

- Разработку Тухачевского.

- Но ведь он достиг всего, для чего его готовили. Он занимает важный пост в Красной армии, сейчас на стажировке в Германии. Что же ещё?

Вадим Сергеевич нервным движением достал из кармана пачку папирос «Наша марка», вытащил папиросу, стал прикуривать, но спички ломались в руках, и тогда Бауэр протянул ему зажигалку.

- Не всё складывается так, как мы планировали. С самого начала пошло всё не так. Мы помогли Ленину придти к власти, но он начал собственную игру. Он отказался от мировой революции, и решил строить социализм в одной стране. Он отказался от интернациональной идеи, в пользу национальной, он сохранил Россию, как государство. Он подчинил революцию государству, а должен был подчинить государство революции.

- Но зачем Вам мировая революция? Ведь Вы не хотели в Германии того, что произошло в России.

Вадим Сергеевич сделал глубокую затяжку, и выдохнул дым, и посмотрел на реку, буксир с баржей, уже скрылся из виду, и только дым от его трубы всё ещё висел над водой.

- Потому и не хотели, что в России произошло не то, на что мы рассчитывали, – ответил Герман. – Мировая революция должна была стереть границы между Германией и Россией, образовать новую, трансконтинентальную державу, способную поглотить и Европу. Но этого не произошло. Такое понятие, как Россия, просто перестало бы существовать. Но Ленин, воспользовавшись нашей помощью, пошёл против нас. Тогда мы решили заменить Ленина Троцким. Троцкому было поручено организовать ликвидацию Ленина, но он сделал это крайне неумело. Исполнителем выбрал полуслепую, психически неуравновешенную женщину, в результате чего Ленин остался жив. Тогда мы сами помогли Ленину уйти.

- Его отравили? Смерть Ленина не была результатом инсульта?

- Инсульт был результатом отравления. Место Ленина должен был занять Троцкий. Он имел реальную власть, в его руках была армия. Но он неожиданно заболел, и более месяца был прикован к постели, тогда место Ленина занял Сталин. Сталин понял главное, реальная власть у того, в чьих руках находятся войска. Он отстранил Троцкого от руководства Красной армией. Теперь высшая военная власть принадлежит Фрунзе, Его заместителями назначены Котовский и Ворошилов. Всё это люди Сталина. Тухачевский не имеет реальной власти. Все наши усилия пропали даром. Следует исправить положение дел.

- Каким образом?

- Нужно ликвидировать Котовского и Фрунзе.

- А Ворошилов?

- Он не столь опасен, как эти двое. Нас вполне устроит Ворошилов в качестве наркома, а Тухачевский – начальника Штаба. Реальная власть будет у Тухачевского. Сделать всё нужно пока он в Германии на стажировке, чтобы не навлечь на него подозрения Сталина.

- Какова же задача Тухачевского?

- В армии осталось много сторонников Троцкого, нужно объединить их, поднять восстание и свергнуть Сталина. Во главе государства должен стать Троцкий, тогда идея мировой революции возродится.

- Я все же не понимаю, зачем Вам, представителю германской разведки, мировая революция?

- «Представителю германской разведки»? – Герман усмехнулся. – Нет, Андрей Николаевич, это не я представляю германскую разведку, а скорее, германская разведка представляет меня.

- В каком смысле?

- Как Вы считаете, кто правит миром? Короли, кайзеры, цари, президенты? Нет, миром правим Мы, а они лишь исполняют нашу волю.

- Кто это «Мы»?

- Это те, чьи имена не появляются на страницах газет, кто не участвует в выборах, кто не возглавляет ни армий, ни революций, но без их ведома не происходят ни выборы, ни войны, ни революции. Мир состоит из элиты и толпы, так было установлено теми, кто правит миром. Элита была немногочисленной, и пользовалась благами, недоступными толпе. Но с началом машинного производства, многие блага становятся доступны всё большему кругу людей. Появилась буржуазия, увеличилось потребление. Земля не в состоянии прокормить всех. Ну, представьте, что у каждого жителя Земли будет свой персональный автомобиль, своя яхта, свой аэроплан. Количество автомобилей возрастет до таких пределов, что ездить по улицам города будет просто невозможно, на морском побережье не хватит места для постройки причалов, а аэропланы начнут сталкиваться в воздухе.

- Что же изменит мировая революция? Ведь большевики хотят создать блага для всех?

- Большевики извратили марксизм, после мировой революции благ для всех не будет. Все блага по-прежнему будет иметь элита, но она станет

незаметной, немногочисленной. А большевики, под руководством Сталина, хотят, чтобы блага были доступны всем, а так быть не может, и так не будет. Мы уничтожим русский социализм.

- Лично я скептически отношусь к мировой революции. Но, как говорил Петр Николаевич Врангель: «Хоть с чёртом, лишь бы против большевиков».

Вадим Сергеевич докурил папиросу, выбросил её в урну, стоявшую рядом со скамейкой, и вновь посмотрел на реку – дым от буксира никак не мог рассеяться, он стелился над самой водой, принимая причудливые очертания. И он подумал, что и он сам, и Докутович, и всё белогвардейское подполье – всего лишь дым той, былой России, сгоревшей в пламени гражданской войны. Герман уловил его взгляд:

- Совсем ветра нет, вот и дым никак не развеется. Да, нет у Вас повода любить большевиков, остаётся – выполнять наши задания. Тут, я думаю, интересы у нас совпадают. Только это не должно выглядеть террористическим актом, это должно быть либо бытовое убийство, либо несчастный случай. У Вас есть кому поручить исполнение?

- Да, у меня есть люди, готовые действовать.

- Вот и хорошо, если возникнут проблемы с организацией, обратитесь ко мне.

- Каким образом?

- Отправьте открытку по этому адресу, – Герман показал адрес, написанный на листе бумаги. – Запомнили?

- Запомнил. Какой текст?

- Любой, не имеет значение, какой-нибудь пустяковый повод, поздравление с праздником, с днем рождения. После этого, ждите меня здесь, в семнадцать часов, каждый день.

- До встречи, господин Бауэр.

- До встречи, товарищ Макаров.

Вадим Сергеевич поднялся, и медленно побрёл по набережной, домой идти не хотелось. Он вновь присел на скамейку и закурил. Настроение было подавленное, как разведчик он проиграл. Он был лишь пешкой в той игре, которую вёл Хаусдорф. Все его действия были просчитаны заранее, его вынудили стать на сторону тех сил, что вели борьбу против России. Против большевистской России, но ведь другой России не было, и уже не будет. И выбора у него тоже не было, точнее, выбор был: или против большевиков, но

с теми, кто жаждет стереть имя «Россия» с карты мира, или против них, за Россию, но с большевиками. Нет, стать на сторону большевиков он не может, стало быть, и выбора нет.

Он докурил, выбросил в урну окурок, поднялся, и отправился на Тверской бульвар, к Докутовичу. Несколько раз прошёл он мимо дома, проверяя, нет наблюдения, но ничего подозрительного не заметил. Он подошёл к двери, постучал. Дверь открыл хозяин, ничуть не удивившись его появлению, кратко сказал: «Проходите». Вадим Сергеевич вошёл. В комнате было накурено.

- Гости только что разошлись, – пояснил Докутович, – люди хотят действовать, есть всё: оружие, взрывчатка, а приходится сидеть и ждать, с трудом удерживаю их от активных действий.

- А что такое дисциплина, Ваши люди понимают? Никакой самодеятельности! Есть такие, на которых можно положиться?

- Есть.

- Тогда слушайте. Задание очень серьёзное, ответственное. Потребуется ликвидировать некоторых важных персон.

- Кто же эти персоны?

- Фрунзе и Котовский.

- Ого! – Докутович удивился. – Наконец-то настоящее дело!

- У Вас найдутся серьёзные люди, готовые выполнить это задание? Котовский сейчас в Одессе, но Фрунзе назначил его своим заместителем, и вызывает в Москву. С Котовским нужно всё решить в Одессе, у Вас там есть люди?

- Да, в Одессе есть люди, я передам им задание, отправлю туда своего порученца.

- Нет. Поедете сами. Вопрос слишком серьёзный. И учтите, никаких записей не вести, всё передать только на словах. И главное, никаких героических эпизодов, всё должно выглядеть, как несчастный случай, убийство по неосторожности, либо ссора на бытовой почве.

- Всё сделаем, как надо.

- Надеюсь, Вы понимаете серьёзность дела? Идет очень крупная игра, и промахов нам не простят. Теперь насчет Фрунзе, он ездит на автомобиле, один, безо всякой охраны, иногда с водителем, а чаще сам за рулем. Ездит лихо. Сможете имитировать автомобильную аварию?

- Сможем. Есть и автотранспорт, и соответствующие люди.

- Тогда действуйте. Всё.

Вадим Сергеевич вышел на улицу. Душно, совсем душно, хоть и сумерки уже наступили, и тяжёлая, темно-красная луна поднималась над потемневшими крышами домов, воздуха не хватало, стало трудно дышать, негнущимися пальцами он расстегнул воротник гимнастёрки.

Придя домой, Вадим Сергеевич не раздеваясь бросился на кровать. Игра началась, вернее она и не прекращалась, но сейчас в эту игру включили и его. На душе гадко, противно, мерзко. Он всего лишь пешка в чьей-то крупной игре. Что есть воля, свобода выбора? Ведь всё уже решено кем-то за нас, и от нас ничего не зависит. И не Боги решают судьбы, а люди, взявшие на себя роль Богов. Тебе кажется, что ты принимаешь решение, делаешь выбор, мучаешься, думаешь, как поступить, а кто-то уже давно всё решил за тебя, и что бы ты не выбрал сейчас, это не имеет никакого значения. Какой смысл в бесконечной борьбе красных и белых? Сколько жертв, сколько крови, сколько смертей! А сколько искалеченных душ, сломанный судеб! И всё напрасно? Ради чего? В голове проносились ужасные мысли, а может просто пулю в висок, и всё? Но кому от этого станет легче? Кто выиграет? Это ничего не решит, всё уже решено, и изменить ничего не возможно.

«Фрунзе доверял мне, – думал Вадим Сергеевич, – а я сегодня отдал приказ о его убийстве, чем я лучше этого доктора Лебединского?» Он снова вспомнил доктора, предавшего своего пациента. К нему обратились за помощью, а он предал, а после предал того, кто принял его предательство, как будто вторым предательством можно было искупить то, первое. «Нет, я никого не предавал, я всегда служил России, той России, за которую сражалась Белая армия. Фрунзе враг, и Котовский тоже, я никого не предаю, я просто до конца исполняю свой долг. Долг перед кем? Перед Родиной? Но ведь те, волю которых я выполняю сейчас, добиваются, чтобы Родина эта перестала существовать. Так кто же я?» Мрачные мысли не давали покоя, что бы он ни предпринял сейчас, ничего уже не изменится. Он вспомнил Наташу, Коленьку. Он навещал свою семью, как чужой, его сын, его родной сын называл его «дядя Вадим», он никогда не узнает правду. Он пожертвовал семьёй ради борьбы, но оказалось, что это не его борьба, да и сама борьба, которую вёл он, русский дворянин, офицер, присягавший на верность царю и отечеству, оказалась напрасной. Нет, страшно не поражение в борьбе, не смерть, а то, что идея, ради которой ты готов умереть, оказалась лишь

призраком, порождённым теми, кто взял на себя право решать, кому жить, а кому умереть.

Вадим Сергеевич встал, подошёл к окну, закурил. Над городом, над крышами домов плыла луна, её свет проникал сквозь шторы, разливался по комнате, заполнял собой всё пространство, проникал в душу, в мозг, становился безумием, гибельной отравой.

Глава 9.

На следующий же день, бывший капитан Докутович, а теперь рабочий паровозного депо Москва-Сортировочная Фомичёв, оформил отпуск, и вечером уже сидел в вагоне поезда «Москва-Одесса». Паровоз, простившись протяжным свистком с Курско-Нижегородским вокзалом, стронул с места состав, и медленно набирая скорость, увлек его в ночь, летящую навстречу огнями полустанков и призраками телеграфных столбов.

Одесса встретила Докутовича шумом, вокзальной суетой, криками носильщиков, продавцов папирос и пирожков с ливером. Проплыв сквозь гудящую рокотом прибоя толпу, Докутович прошёл по улице Пушкинской до Большой Арнаутской и сел в дребезжащий трамвай, который с грохотом и скрежетом, отпугивая звонками завевавшихся прохожих, дотащил его до района Молдаванки. Там, в маленьком дворике, на углу улицы Ризовской и Колонтаевской, жил его бывший сослуживец, подполковник Капранов, ныне служащий конторы на станции Одесса-Товарная. Пройдя под арку, в чуть прикрытые, покосившиеся зелёные ворота, Докутович оказался в маленьком дворике, посреди которого рос огромный каштан. Под ним стояла рассохшаяся скамья, покрытая завитушками облупившейся синей краски. Рядом женщина неопределённого возраста, с пышными формами, облаченными в легкий халатик, вешала на верёвку бельё.

- Извините, – обратился к ней Докутович, – не здесь ли проживает гражданин Капранов?

- А Вы кто ему будете? – поинтересовалась она, обернувшись к незнакомцу.

- Да, племянник его.

- И откуда же Вы? Что-то я Вас раньше не встречала.

- Вот, из Москвы приехал, отдохнуть недельку на море.

- Из самой Москвы? А, скажите, по чём там нынче сахар?

- Не знаю, я чай с сахаром не пью, не по карману, я ведь не нэпман, простой железнодорожник.

- Так Вы тоже железнодорожному ведомству будете?

- Это мой дядя «по ведомству», а я в паровозном депо.

- О! Так мой Миша тоже чинит паровозы. И шо там платят, в Вашей Москве, за такую работу?

- Да по-разному, смена на смену не приходится.

- Вот и я говорю! Разве ж это деньги? На них теперь даже дохлой кошки не купишь! А дядя Ваш сейчас на работе, к вечеру будет. Вы ему писали, или молнировали? Он знал, шо Вы имеете до него приехать?

- Да нет, не знал, написать, видите ли, не успел, неожиданно представилась возможность, вот и решил воспользоваться.

- Ну, правильно, шо там делать, в Вашей этой Москве? Отдыхать надо у моря. Вон у Рабиновича брат с Питера приехал отдохнуть, и шо Вы думаете? Обчистили его поздним вечером на Маразлиевской, когда он с пляжа возвращался. Вы по улицам поздно вечером не ходите, особенно здесь, на Молдаванке.

- Да, у меня и брать-то нечего. А можно я здесь, на лавочке подожду?

- Шо Вы спрашиваете?! Сидите себе сколько хотите! А дядя Ваш у той квартире живет, шо напротив.

Докутович сел на лавочку и закурил. Он выкурил, пожалуй, не меньше чем полпачки папирос, когда, наконец, невысокий седой гражданин, ничем не примечательной наружности, с папкой подмышкой вошёл во двор. Увидев Докутовича, он остановился, вглядываясь в его лицо. Докутович вскочил, и изобразив на лице радость встречи, бросился навстречу своему «дяде»:

- Здравствуйте, Виктор Петрович! Как я рад Вас видеть! Вот решил к Вам на недельку, поближе к морю выбраться, отдохнуть! Привет Вам от Николая Ивановича!

- А, это ты, Володя! – Капранов обнял «племянника». – А я думаю: «Кто это у нас во дворе ошивается?» Давненько же я тебя не видел! Ну проходи в дом!

Они вошли в квартиру, и когда дверь за ними закрылась, Виктор Петрович спросил:

- Что случилось? Почему Вы здесь? В Одессе? И без предупреждения?

- Виктор Петрович! Вы бы сначала хоть чаем угостили, а то проголодался я с дороги.

- Присаживайтесь Владимир Васильевич, сейчас и чай соорудим, и кое-что покрепче найдем, но всё же, что случилось?

- Пока ещё ничего, но должно случиться. У меня важное задание. Необходимо срочно ликвидировать одного красного командира.

- Кого же?

- Котовского.

- Ого! Не слишком ли много охотников на одного зверя?

- Что это значит?

- А то, что один крупный военачальник уже прислал своего человека для ликвидации Котовского.

- И кто же это?

- Иона Эммануилович Якир, знаете такого?

- Как? Ведь они же с Котовским соратники! Вместе воевали!

Виктор Петрович разжёг примус, поставил чайник, достал из серванта графинчик с водкой, кое-какую закуску.

- Извините, Владимир Васильевич, за скромный приём, но, как говорят, чем богаты – тем и рады, не ждал гостей. Говорите соратники? То-то и оно. Котовский знает о Якире слишком много такого, что может помешать его карьере. Сейчас Якир возглавляет управление военно-учебных заведений, но после того, как Фрунзе стал наркомом, в Харькове освобождается должность командующего Украинским военным округом. На эту должность планируется Якир, а Котовского Фрунзе вызывает к себе, заместителем. А тот знает об Ионе Эммануиловиче, о его деятельности не только в военной, но и в коммерческой области, столько всего, что если он расскажет об этом Михаилу Васильевичу в дружеской беседе, то не видать Ионе должности командующего, как своих ушей. Вот и решил он избавиться от Котовского.

- Откуда сведения?

- Сорока на хвосте принесла. Сами понимаете, такие приказы в письменной форме не отдаются.

- И кто исполнитель?

- Некто Мейер Зайдер, начальник охраны Перегоновского сахарного завода, что под Уманью. Темная личность, бывший уголовник, кличка Майорчик. С Котовским его связывают давние отношения. Не думаю, что он способен убить своего командира. Слишком мелок для такого дела.

- А что за отношения связывают его с Котовским?

- Мейер Зайдер держал в Одессе публичный дом, а Котовский в восемнадцатом году возглавлял большевистское подполье, Зайдер однажды помог ему укрыться от полиции. Котовский не забыл это, нашёл ему приличное место с хорошей оплатой. Этот Майорчик не только охраняет сахарный завод, но и коммерцией занимается, в частности, снабжением корпуса Котовского.

- А как Якир связан с Зайдером?

- Точно не знаю, у жены Якира в Одессе антикварный магазин, да и сам Якир занимался коммерцией, видимо на этой почве они и сошлись с Зайдером. Но это не тот человек, который способен ликвидировать Котовского, он имеет хорошую должность, и доходы помимо должности. Зачем ему убивать?

- А если Котовский уличит его в воровстве?

- Котовский резок, принципиален. Думаю, Зайдеру не поздоровится, тогда и повод может возникнуть.

- Надо их столкнуть, найти факты мошенничества, ну, там…, и постараться, чтобы Котовский об этом узнал.

Виктор Петрович налил по рюмке водки:

- Ну, давайте, за встречу.

Они подняли рюмки, чокнулись, выпили, молча закусили, и Виктор Петрович продолжал:

- Сделаем так, я поеду в качестве ревизора в Чабанку, я ведь ревизором на железной дороге работаю, что и как искать знаю, а если искать целенаправленно, то всегда можно найти. Не сомневаюсь, что Майорчик приворовывает втихаря, составлю акт, а бухгалтер сам Котовскому доложит. А Вы, Владимир Васильевич, подстрахуете Зайдера, если тот не проявит должной решительности. Завтра утром и поедем.

- А документы сделать успеете? Есть кому сделать?

- Документы будут настоящие. Почти во всех госучреждениях сторонники Троцкого.

- А причём здесь Троцкий?

- После того, как ЧК ликвидировала «Трест», связи с белой эмиграцией у нас нет. Белогвардейское подполье на юге примкнуло к троцкистской оппозиции.

- Как?! Разве не с Троцким мы воевали в гражданскую? Забыли, что творилось в Крыму? Весь этот террор был устроен по его указке!

- Времена меняются. Сейчас у нас и у троцкистов один общий враг – Сталин. Троцкистская оппозиция довольно сильна. Вот, свалим вместе большевиков, а потом и за них возьмемся.

- Или они за нас. Вот уж, действительно, «хоть с чёртом, лишь бы против большевиков», как говорил генерал Врангель. С самим чёртом и связались.

Чайник уже закипел, с шипением выдыхая пар, он наполнял им низкую, небольшую комнатку. Виктор Петрович встал, погасил примус, и налил чай в тонкие стаканы в витых, мельхиоровых подстаканниках, поставил на стол сахарницу и щипцы для сахара.

- Вот угощайтесь, сахар настоящий.

- Богато живете, по нынешним временам! – удивился Докутович.

- Чтобы мне, при моей-то должности, и чай без сахара пить?

На следующее утро Виктор Петрович Капранов, заполнил бланк документа с печатью и подписью, из которого следовало, что он имеет право проверки хозяйственной деятельности корпуса, и вместе с Докутовичем отправился в Чабанку. Для придания своей миссии большей значительности, они выехали туда на автомобиле марки «Рено», принадлежащим контрольно-ревизионной службе железной дороги, но фактически находящейся распоряжении белогвардейского подполья, слившегося с эсеровским террористическим движением. Докутович сидел за рулём, выполняя обязанности водителя, а на заднем сидении расположился солидный, с авторитетной проседью гражданин, имеющий вид ответственного советского работника. Вот уже остались позади рабочие кварталы Пересыпи, и дорога вилась пыльной лентой меж загородных сел: Крыжановки, Фонтанки, Вапнярки, Дофиновки. Наконец показалась Чабанка. Предъявив дежурному документ, предписывающий Капранову В.П. произвести инспекторскую проверку хозяйственной деятельности корпуса, ревизор оставил машину с водителем у ворот части, и направился в бухгалтерию.

Бухгалтер, сухой, слегка сутулый, немолодой человек с усиками «мушкой» и выцветшими глазами, не очень беспокоился по поводу проверки, он был убежден, что так просто до финансовых нарушений не докопаться. Но когда ревизор затребовал документы, связанные с поставкой сахара из Умани, он понял, что это не простая проверка – был сигнал. Затем дотошный

ревизор спросил: «Куда девается шерсть и кожа овец подсобного хозяйства, которые по документам попали в котел кухни кавалерийского корпуса?». Бухгалтер трясущимися руками достал документы, на которых, как и на накладных сахарного завода, стояла подпись Зайдера.

- Ну что ж, Арнольд Ефимович, картина ясна, – сказал Капранов бухгалтеру, закрывая папку. – Хищение социалистической собственности налицо. Придется передавать документы в прокуратуру.

- Но, товарищ ревизор, всё же делалось для блага бойцов. Тут недоразумение какое-то. Этот Мейер Зайдер…

- На документах и Ваша подпись имеется, так что несёте Вы ответственность наравне с Вашим поставщиком. Впрочем, если ущерб будет возмещён, то тогда другое дело.

- Нужно доложить командиру, думаю мы всё уладим.

- Докладывайте, я буду здесь завтра, в то же время, а сейчас мне пора ехать.

- Ну, зачем же Вам ехать сегодня? У нас в доме отдыха есть домик свободный, отдохнёте на берегу моря, а завтра, думаю, мы всё уладим.

- Что ж, можно и отдохнуть до завтра.

Капранова и его водителя, Докутовича, поселили в домике на самом берегу моря. А Арнольд Ефимович бросился искать Котовского, который отдыхал в том же доме отдыха, куда поселили чересчур въедливого ревизора. Но не нашёл. Григорий Иванович уехал в пионерский лагерь, его пригласили на закрытие сезона, традиционный костер. Вернулся Котовский поздно, уставший, и возможно, бухгалтеру так и не удалось бы доложить командиру о внезапной ревизии, если бы сослуживцы не решили устроить банкет по случаю убытия любимого командира в Москву. Банкетов Григорий Иванович не любил, не любил никаких шумных мероприятий с употреблением спиртных напитков, поскольку сам к ним никакого пристрастия не питал. Но не желая обижать заботливых сослуживцев, всё же вынужден был принять их приглашение. Там и застал его Арнольд Ефимович, он потихоньку доложил Котовскому о ревизии, и попросил выйти на пару слов. Увидев документы, уличающие Мейера Зайдера в воровстве, командир пришёл в ярость, а Майорчик, как ни в чём ни бывало, сидел за столом с котовцами, уплетая баранину, и запивая её вином.

- Ну-ка, позови мне сюда этого пройдоху, – сказал Григорий Иванович бухгалтеру. А когда, ещё не ведавший беды Майорчик вышел на крыльцо, Котовский схватил его за шиворот, и выбросил вон.

- Это что такое?! – тряс он документами перед лицом Мейера. – Что это такое, я спрашиваю? В тюрьму захотел? Плохо тебе жилось у меня под крылышком?

- Да… Это так, ну, пойми, Гриня, надо же и мне свой доход иметь!

- Доход? Я тебе не Гриня, а товарищ Котовский, Григорий Иванович! Тебе что, мало того, что ты на законных основаниях имеешь? Воровать вздумал! Если завтра к утру не возместишь указанную здесь сумму, под суд пойдешь! Понял?!

- Да, где же я такие деньги возьму?! Они ведь все в дело вложены!

- Сумел украсть – сумей и ответить! Завтра, в одиннадцать жду тебя в бухгалтерии с деньгами, а нет – передаю дело в прокуратуру! А сейчас, пошёл вон! Не хочу с тобой за одним столом сидеть!

Зайдер ушёл, и скрылся во тьме. Доктуович, наблюдавший за домом, и видевший всю эту сцену, украдкой направился вслед за ним. Мейер Зайдер, который неизвестно как и когда успел умыкнуть со стола бутылку, сидел на траве, на самом краю обрыва, и пил из горлышка, сморкаясь, чертыхаясь и охая. А когда около трех часов ночи в домике, где гудел пир, погасли огни, он быстро вскочил и направился туда. Докутович последовал за ним. Зайдер нагнал Котовского почти у самого его дома, он бросился перед ним на колени, и с криком: «Прости, Григорий Иванович, не губи душу грешную!» стал бить себя кулаком в грудь.

- Я тебе всё сказал, – ответил Котовский, – другого разговора не будет. Жалостью меня не проймешь.

- Да, если бы не я, тебя бы давно, ещё в восемнадцатом расстреляли!

- За то я с тобой рассчитался, думаю не обижен ты был, а воровать у меня не позволю!

- Ах, так? – Майорчик поднялся с колен и вытащил наган.

- Что? Убьёшь меня? – презрительно произнес Котовский. – Кишка у тебя тонка, в меня выстрелить!

Григорий Иванович обошёл Зайдера, и не оборачиваясь направился в сторону дома. Мейер поднял револьвер, прицелился, но потом отвел ствол в сторону, разразившись матом и слезами. В это время Докутович выстрелил. Рука Мейера дёрнулась, и он спустил курок, пуля пошла мимо, выше головы

Григория Ивановича. Котовский обернулся, раненный пулей Докутовича, и тогда Докутович выстрелил второй раз. Котовский упал лицом вниз.

Зайдер, принявший изрядную дозу алкоголя, в шоке от происшедшего, не обратил внимания на второй выстрел, первый выстрел Докутовича прозвучал одновременно с его выстрелом. Он был уверен, что это именно он убил Котовского.

На звук выстрелов выбежала из дома жена Григория Ивановича, и Мейер Зайдер отбежал во тьму. А когда тело Котовского внесли в дом, он, осознав всю трагедию того, что произошло, бросился на крыльцо, пал ниц с криком: «Это я, я убил командира! Простите меня!»

- Пошёл вон! – сказал Ольга Петровна Зайдеру.

В августе на заводах, стройках, в магазинах и просто на улицах говорили только об одном – недалеко от Одессы, в посёлке Чабанка, убит выдающийся полководец, герой гражданской войны, Григорий Иванович Котовский. «Ну, вот, одно задание выполнено, – подумал Вадим Сергеевич складывая газету, – надо бы доложить Герману Бауэру, да видимо, тот и так всё знает». Но Бауэр сам встретил его поздним вечером, по дороге домой. Он стоял на Хамовнической набережной, опершись на парапет. Заметив Вадима Сергеевича, обернулся к нему и попросил спичек. Вадим Сергеевич остановился, раскрыл портсигар, молча взял папиросу, зажёг спичку, поднес её сперва к папиросе Германа, после прикурил сам. Они стояли молча, курили, глядя на воды Москвы-реки.

- Прекрасный вид, не правда ли? – спросил Герман.

- Да, Москва вообще красивый город.

- А в Одессе Вам приходилось бывать?

- Давно, ещё до войны.

- Так, кто убил Котовского? Мейер Зайдер – Ваш человек?

- Дело в том, что Зайдер Котовского не убивал.

- Тогда кто же его убил его?

- Зайдер был лишь прикрытием, чтобы убийство приняло вид бытового преступления. Котовский уличил Зайдера в финансовых махинациях, между ними вспыхнула ссора, наш человек воспользовался этим, он следовал за Котовским неотступно, ища удобный момент. Такой момент представился. Зайдер даже сперва подумал, что это его пуля была роковой, и признался в

убийстве. Потом он, видимо понял, что произошло на самом деле, но было уже поздно. Того, кто произвёл второй выстрел, не видел никто.

- Почему не ликвидировали Зайдера? Если прокуратура докопается до истины?

- Не докопаются, не станут глубже копать, в одесской прокуратуре люди Троцкого, их вполне устраивает данная версия, а ликвидация Зайдера может вызвать подозрения.

- Фрунзе затребовал дело об убийстве Котовского к себе, он не верит в Вашу версию. Он не должен успеть. Мне не нравится Ваша работа здесь, в Москве. Две автомобильные аварии, и никакого результата.

- Три. В последней аварии Михаил Васильевич серьёзно пострадал, у него вновь открылась язва, участились кровотечения.

- Но он всё так же продолжает выполнять свои обязанности.

- Его собираются отправить в отпуск на лечение, в Крым. В Крыму у нас есть свои люди, попробуем там.

Герман смял папиросу и бросил наземь.

- Что Вы попробуете?! Ведь он не будет гонять на автомобиле по горным дорогам, он будет в санатории, под присмотром врачей, и шансов добраться до него в Крыму у Вас будет очень мало! Скоро Тухачевский возвращается из командировки, он не должен застать Фрунзе на своём посту.

Вадим Сергеевич молчал, он сделал глубокую затяжку, и выдыхая дым произнёс:

- Скверный табак.

- Это Вы к чему? – спросил Бауэр.

- К Вашему прошлому разговору о благах, которыми пользовалась элита, я ведь тоже когда-то курил дорогой табак, а теперь приходится довольствоваться этой дрянью.

- Для Вас сейчас главное – выжить, надеюсь, что придёт время, когда Вы будете выбирать и табак и вина, а пока курите то, что курит победивший пролетариат. До свидания, Вадим Сергеевич, жду от Вас результатов.

Глава 10.

Если бы не события того мартовского утра, когда аэроплан красных, перечеркнув дымным следом весеннее небо, упал на окраине станционного

посёлка, судьба доктора Лебединского сложилась бы весьма успешно. Он слыл хорошим врачом, внимательно относился к больным, никому не отказывал в помощи, и наверное, остался бы честным, совестливым, принципиальным до конца своих дней. Но то предательство, совершённое скорее из боязни за семью, чем из-за страха перед смертью, сломало его уверенность в себе, и повлекло второе предательство. Когда он случайно встретил капитана, что принял его в штабе врангелевских войск, он испугался ни на шутку. Тот капитан был единственным свидетелем его низости. И он донёс на него, уверенный в том, что белогвардейского капитана непременно расстреляют, как это случалось неоднократно после вступления в Крым Красной армии. Антон Семёнович не спился, не сошёл с ума, не удалился в монастырь, отмаливать свой грех, он продолжал жить так, будто бы ничего не случилось. Он не был отъявленным негодяем, и угрызения совести периодически терзали его, но чем дальше отодвигалось то мартовское утро, чем эти угрызения становились всё менее мучительными.

Его репутация как врача была безупречна, и когда Советская власть занялась всерьёз здравоохранением, он был приглашён на работу в один из санаториев на южном берегу Крыма. Именно в этот санаторий и прибыл на лечение в начале сентября 1925 года Народный комиссар по военным и морским делам, Михаил Васильевич Фрунзе. Антону Семёновичу Лебединскому, хирургу по специальности, доверили лечение знаменитого командарма. Тщательно осмотрев больного, он назначил необходимые процедуры, уверенный в том, что без оперативного вмешательства здесь не обойтись. Внимательный, обходительный и в меру строгий доктор быстро завоевал доверие Михаила Васильевича, и когда здоровье командарма, несмотря на усилия врачей, продолжало ухудшаться, он со всей прямотой заявил:

- Товарищ Фрунзе, состояние Вашего здоровья внушает мне серьёзные опасения, думаю, нужно прибегнуть к хирургическому вмешательству. Вам необходимо выехать в Москву, в кремлёвскую больницу.

- Считаете, что без операции не обойтись?

- Думаю, что да. Но моё мнение – это всего лишь мнение провинциального врача, прежде всего необходимо тщательное обследование.

- У меня к Вам просьба, Антон Семёнович, Вы не смогли бы поехать со мной в Москву, с Вами мне будет как-то спокойнее.

- Конечно, Михаил Васильевич, если моё начальство не будет возражать.

- Считайте этот вопрос решённым.

Предложение Фрунзе было явной удачей для доктора Лебединского, неожиданно появилась возможность сделать карьеру в Москве, да ни где-нибудь, а в кремлевской больнице. Так провинциальный врач оказался рядом с профессорами, принимал участие во всех консилиумах, и был включен в группу хирургов, которым предстояло оперировать Народного комиссара по военным и морским делам.

Несмотря на заверение Докутовича, что в Крыму у него остались надежные люди, готовые действовать, организовать покушение на Фрунзе там не удалось. У Вадима Сергеевича оставалось только одна возможность – подобраться к медицинскому персоналу. Изучая каждого медика, кто имеет хоть какое-то отношение к лечению командарма, он совершенно неожиданно для себя, увидел в списке врачей, допущенных к операции в Солдатенковской больнице, знакомую фамилию Лебединского. Всё сходилось, доктор прибыл из Крыма, и был временно поселён в одном из помещений больницы. Перед самой операцией Вадим Сергеевич зашёл в больницу, под предлогом посещения своего начальника, Михаила Васильевича Фрунзе. Пожелав ему успешного лечения, скорейшего выздоровления, он вышел из палаты, и немедленно разыскал доктора Лебединского.

- Антон Семёнович! – воскликнул он завидев доктора в коридоре. – Рад видеть Вас здесь, как здоровье Михаила Васильевича? Надеюсь операция не опасна?

Антон Семёнович был растерян, он сразу узнал того красного командира, которому донёс на капитана Докутовича. Прошлое, которое, казалось, ушло в небытие, вдруг возвратилось неожиданной встречей. Он вытащил из кармана носовой платок, вытер пот со лба.

- Что-то жарко здесь, – виновато сказал он, – в больнице так рано начали топить.

- Да, действительно, – ответил Вадим Сергеевич, – не пройти ли нам во двор?

Они вышли во двор больницы, сквозь чёрные ветви деревьев с поредевшей листвой брызнула холодная синева.

- Так что скажете, Антон Семёнович? – повторил вопрос Вадим Сергеевич. – Операция не опасна?

- Да, что Вы, товарищ…, – доктор замычал, пытаясь вспомнить фамилию красного командира.

- Макаров, Вадим Сергеевич.

- Товарищ Макаров, операция не опасна, хотя не скажу, что она так уж безобидна, но надеемся, что всё сложится хорошо.

Видим Сергеевич достал портсигар, открыл его предлагая Лебединскому папиросу.

- Курите, доктор?

- Да, курю.

- Тогда закурим, и присядем на вон ту скамейку, у меня к Вам есть очень серьёзный разговор.

Каким-то неуловимым, звериным чутьём Лебединский почувствовал беду.

- Вы будете участвовать в операции?

- Да, но роль моя незначительно, так, ничего серьёзного, просто…

- Это не важно. Важно другое. У меня к Вам очень важное поручение. Нужно сделать так, чтобы пациент после операции благополучно отправился в мир иной. Вы меня понимаете?

- Да, что Вы говорите такое! Как можно! Вы предлагаете это мне? Что Вы себе позволяете! Я сейчас позову…, – он не представлял себе, кого он сейчас позовет, и осекся.

- Спокойно, не кричите, и звать никого не нужно. Вспомните лучше Юшунь, март двадцатого года, и аэроплан, который сбили над позициями врангелевских войск. Вас вызывали к раненному пилоту, не так ли? Как его здоровье?

Антон Семёнович обмяк, его трясло, папироса дрожала в руке.

- Ах, да, – продолжил Вадим Сергеевич, – его же расстреляли, что нет? А, его же закололи штыками, это Ивана Денисова с женой расстреляли в саду.

- Зачем? Зачем всё это? Что Вы хотите?

- Я Вам уже сказал, что я хочу, да не нервничайте, успокойтесь, доктор.

- Я не могу, я ничего не могу. Я ведь не участвую в самой операции, я только помогаю, и не хирургу, анестезиологу. Моя роль второстепенна, я …

- Ингода второстепенная роль может стать главной. Говорите, Вы помогаете анестезиологу?

- Да, что-то в этом роде.

- Значит от Вас зависит состав того препарата, который будут использовать при наркозе?

- Да.

- Ну, вот. А Вы говорите. Да, от Вас, дорогой мой доктор, именно всё и зависит! Правильно я говорю?

- Доктор кивнул, затягиваясь табачным дымом.

- Так, вот, милый мой, дорогой мой Антон Семёнович, меня не интересуют подробности Вашей работы, но если после операции товарищ Фрунзе окажется жив, то о том, что произошло в марте двадцатого года на станции Юшунь, станет известно и медперсоналу, и тем товарищам из ГПУ, которые по долгу службы очень заинтересуются Вашим прошлым.

Доктор докурил папиросу, выбросил окурок, и достал следующую, хотел прикурить, но не мог – руки дрожали, спички ломались и гасли. Вадим Сергеевич зажёг спичку и поднёс её к папиросе доктора.

- Ну, что это Вы так разволновались? Не стоит, право.

- Но, Михаил Васильевич, он доверился мне, понимаете? Он вообще не хотел соглашаться на операцию, а я уговорил, я обещал, всё будет хорошо, он поверил, как же это, а?

- Вот и хорошо, что поверил. Ведь и Иван Денисов доверился Вам, и Петр Кузнецов.

- Кузнецов? Кто это?

- Ай, ай, ай! Антон Семёнович! Вы даже не знаете имя того красного летуна, которого обрекли на смерть. Кузнецов, его фамилия, Петром его звали, Петр Ильич Кузнецов. Вам ведь не в первый раз предавать тех, кто Вам доверился.

- Но это было давно.

- Какая разница, ведь это было. Было, Антон Семёнович, было. Нет, нет, я Вас не упрекаю, Боже сохрани! Кузнецов был красным командиром, Вашим врагом. Вы поступили, как настоящий патриот, присягнувший на верность царю и отечеству. Гражданская война окончилась, но борьба продолжается, Фрунзе враг, он красный командарм. Я прошу, чтобы Вы выполнили свой долг, долг русского дворянина.

- Но я, я, – он хотел сказать, что дворянином он не был, что отец его принадлежал к сословию мещан, но понял, что в данной ситуации, это не имеет никакого значения. – Я давал клятву Гиппократа, – с трудом выдавил из себя Антон Семёнович.

- Гиппократ жил в те времена, когда ещё не было понятия классовой борьбы, так что совесть Ваша чиста перед ним. Ну, всё, мне надо идти, – Вадим Сергеевич хлопнул ладонью по колену. – Завтра операция, Вам нужно успокоиться, отдохнуть.

Он поднялся, вслед за ним поднялся и доктор Лебединский. Вадим Сергеевич протянул руку доктору:

- До свидания, доктор, удачи Вам, и смотрите, не наделайте глупостей, – он пожал руку Антона Семёновича, она было холодной и влажной, но уже не дрожала.

Макаров повернулся и пошёл к выходу, расстегивая на ходу ворот гимнастерки. Он вдохнул синий холодный воздух, и ускорил шаг. За воротами больницы его ждал Докутович. Вадим Сергеевич прошёл мимо, Докутович последовал за ним. Они отошли на некоторое расстояния от ворот, он замедлил шаг, и когда Докутович поравнялся с ним, сказал:

- Там доктор Лебединский, проследите за ним. Он слишком нервничает. Если попытается донести, ликвидируйте. Контролируйте все его передвижения за пределами больницы. После операции, чем бы она не закончилась, немедленно ликвидировать доктора под видом несчастного случая.

Следующий день был днём операции, никаких вестей из больницы не было. Наконец он прошёл, полный нервного напряжения, наступил вечер, ночь. Вадим Сергеевич всю ночь стоял у окна и курил, курил папиросу за папиросой. А над городом сквозь рваные клочья облаков летела луна. Полная, безумная луна проникала в комнату сквозь зашторенное окно, сквозь облака и табачный дым, врывалась в душу, лишала покоя и сна. Она отражалась в грязной луже посреди двора, и такой же грязный, облезлый кот лакал из лужи луну, и она бледнела на фоне светлеющего неба, растворяясь в наступающем дне.

Наутро в Штабе Красной армии Вадим Сергеевич узнал, что сегодня, тридцать первого октября, в пять часов пятьдесят минут, Народный комиссар по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, не приходя в сознание после операции, скончался.

Ещё через два дня в вечерней газете, в рубрике «Происшествия», появилась маленькая заметка, что поздним вечером, на путях Курско-Нижегородского вокзала, попал под поезд Антон Семёнович Лебединский. «Бедный доктор, надежда на блестящую карьеру в Москве умерла вместе с командармом, он возвращался в Крым, но видимо, так спешил, что не заметил проходящего мимо поезда, – подумал Вадим Сергеевич, – на этот раз Докутович не подвёл, ещё бы, доктор знал его в лицо».

А через две недели вернулся из заграничной командировки Михаил Николаевич Тухачевский, и занял должность Начальника Штаба Красной армии. Вадим Сергеевич впервые за последние несколько дней уснул спокойным сном. Среди ночи он проснулся, захотелось курить. Он взял папиросу, подошёл к окну, закурил, вглядываясь в ночное московское небо. Над крышами домов, в безоблачной темной вышине мерцали огоньки звезд, подмигивая его папиросе. Луны не было.